

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
BooksCafe.Net
Все книги автора
Эта же книга в других форматах

Приятного чтения!

Елизавета Федоровна Литвинова
Жан Лерон Д'Аламбер (1717–1783). Его жизнь и научная
деятельность

*Биографический очерк Е. Ф. Литвиновой
С портретом Д'Аламбера, гравированным в Лейпциге Геданом*

Введение

Заслуги великого человека не всегда можно сделать вполне понятными всем и каждому, большей частью для этого необходимо основательное знание какого-нибудь предмета; но общественная и частная жизнь гения есть наше общее достояние, она представляет наследие веков и включает в себе всегда много поучительного. Всякий человек, знакомый с механикой, знает *закон Д'Аламбера*, понимает его значение и с уважением произносит это имя. Истинный же математик и астроном говорит о Д'Аламбере с восторгом и благоговением, потому что видит в нем преемника Ньютона и великого учителя Лагранжа и Лапласа. Математики, физики, астрономы назовут его также величайшим философом в том смысле, в каком это может относиться к Ньютону. Человек, обладающий широким общим образованием, непременно проникнут глубоким уважением к Д'Аламберу как к одному из главных сотрудников знаменитой «Энциклопедии» XVIII столетия. Для всех этих людей жизнь Д'Аламбера должна представлять бесспорный интерес. Но можно, не имея ни специальных математических знаний, ни большого общего образования, получив лишь общее понятие о деятельности Д'Аламбера, *почувствовать*

необыкновенную силу его ума и *ощутить* все величие его заслуг перед человечеством.

Мы сказали, что жизнь великих людей есть общее достояние, наследство, оставляемое великим человеком всем людям; в этом отношении Д'Аламбер завещал нам много весьма ценного. Его чистая жизнь была достойна его великого ума; к нему можно отнести известные слова Вневитинова: «В нем ум и сердце согласились». Чрезвычайная живость, простота и естественность были отличительными чертами его характера. Занятия наукой всегда представляются со стороны чем-то чрезвычайно скучным и сухим, но жизнь Д'Аламбера способна победить это предубеждение; она рисует нам ученого совсем не таким, каким мы привыкли его себе представлять, а простым, живым человеком.

Д'Аламбер считал большой заслугой римского историка Тацита то, что тот умел *просто* говорить о *важных* предметах. Признавая это большим достоинством, мы должны отдать дань справедливости самому Д'Аламберу, сумевшему выполнить свое великое назначение, оказать важные и сложные услуги человечеству так просто, трогательно и естественно!

Глава I

Отец и мать Д'Аламбера. – Первые дни его жизни. – Воспоминания Д'Аламбера о раннем детстве. – Госпожа Руссо, его кормилица. – Первый учитель. – Школьное образование. – Вступление в жизнь. – Общий очерк деятельности Д'Аламбера

Д'Аламбер – сын французского рыцаря, генерала Детуша (Destouches) и известной в то время писательницы Тансен (de Tencin). Отношения Детуша и матери Д'Аламбера известны нам очень мало – так же, как и сама личность этого французского генерала. По обязанностям службы он находился за границей в то время, когда у него в Париже родился сын, который через несколько часов после своего рождения (17 ноября 1717 года) был найден полицией на ступенях маленькой церкви Сен-Жан-Лерон. Ребенок был так слаб, что комиссар полиции, говорят, из жалости не

отправил его в дом найденшей. Мальчика при крещении назвали Жаном Батистом Лероном и отдали в деревню кормилице. По всей вероятности, не одна только жалость руководила полицейским в этих заботах; должно быть, он знал, что за ребенка будут платить, – и не ошибся. Детуш, вернувшись в Париж, начал наводить справки о своем сыне у матери ребенка, которая, однако, желая совершенно его забыть, очень неохотно уступила настоятельным просьбам отца отыскать мальчика. Из этого можно заключить, что Тансен не любила Детуша, который в действительности был для нее одним из многих. Детуш, как видно из отношений его к сыну, был одарен добрым, чувствительным сердцем. Можно представить, как жестоко заставляла его страдать бессердечная женщина, решившаяся бросить чуть живого ребенка. Такое отношение к сыну было не только следствием полнейшего равнодушия к отцу; Тансен из самолюбия хотела скрыть рождение ребенка, но ребенок остался жив, сделался великим человеком, и весь мир узнал, что она была матерью Д'Аламбера, и притом недостойною! Это, разумеется, в нравственном отношении. Ее умственные способности были выше обыкновенных. Из биографии ее мы узнаем, что она была талантливая писательница; ее романы охотно читались, а некоторые из них, преимущественно исторические, и теперь не лишены интереса.

Тансен была хороша собой и в свое время слыла гостеприимной, остроумной хозяйкой салона, который охотно посещали известные писатели, артисты и даже высокопоставленные лица. Несмотря на все это, математик Бертран справедливо говорит, что от *такой* матери следует всякому из нас с презрением отвернуться. Однако мы скажем о ней несколько слов, имея в виду вопросы наследственности, возбуждающие общий интерес. Тансен первые годы своей юности провела в монастыре; родные, по неизвестным нам причинам, убедили ее стать монахиней. Скоро, впрочем, монастырская жизнь сделалась ей невыносимой, и она уехала в Париж, где через какого-то влиятельного человека ей удалось получить от папы разрешение оставить монастырь, нарушив данный Богу обет. В биографии бывшей монахини мы находим целый список ее возлюбленных, начиная с регента Франции и кончая ее домашним врачом. Эта женщина, всегда обладавшая

большими средствами и в свое время пользовавшаяся влиянием, никогда ничем не стеснялась, но стыдилась признать своего единственного сына, которым могла бы во всех отношениях только гордиться. Генерал Детуш, отец Д'Аламбера, занимает четвертое, но далеко не последнее место в длинном списке ее друзей. По свидетельству знакомых, Тансен, отличавшаяся в сущности большим бессердечием, обладала наружной мягкостью, вкрадчивостью и имела опасный дар становиться со всеми на короткую ногу. Дома она держала себя со своими гостями, как бойкая хозяйка с нахлебниками, называла собиравшееся у нее общество своим зверинцем, дарила своим гостям различные принадлежности туалета, величала их ласковыми уменьшительными именами; одним словом, обращалась с ними и свысока, и попросту. Многие о ней говорили: если госпоже Тансен понадобится зачем-то вас отравить, она нисколько не задумается это сделать, но будьте покойны: она выберет самый тонкий и нежный яд. Все это, как хотите, напоминает Матрешу из «Власти тьмы» графа Толстого, который так удачно обрисовал тип сладкогласной злодейки. Однако госпожа Тансен обладала также и достоинствами: она была не только бесспорно умна, но остроумна и наблюдательна; ей приписывают множество удачных изречений. Например, она говорила, что ремесло писателя – самое жалкое: всякий сапожник, когда шьет сапоги, знает наверное, что его работа сойдет с рук; писатель же никогда не может ожидать того же от своей книги, как бы хороша она ни была. Или еще в том же роде: великие люди всегда ошибаются в других, потому что не могут себе представить, до какой степени обыкновенные бывают глупы, и так далее. Мы увидим, что знаменитый сын этой женщины унаследовал некоторые свойства ее ума и никаких черт ее характера. Легко себе представить, что нравственная физиономия Д'Аламбера явилась бы перед нами совершенно иною, если бы его воспитала *такая* мать; она привила бы ему, несомненно, много вредных привычек, от которых он был избавлен, подрастая среди простых и добрых людей, не видя примеров роскоши, мотовства и лицемерия.

Мы приведем здесь рассказ г-жи Сюар о раннем детстве Д'Аламбера, записанный ею со слов его самого; она говорит в своих мемуарах: «Д'Аламбер всегда с почтением произносил имя своей

матери и отца, отличавшегося воинскими доблестями и высокой честностью.

Д'Аламбер рассказывал мне также, что кормилица, г-жа Руссо, взяла его на свое попечение в то время, когда голова ребенка была не больше обыкновенного яблока; руки висели, как плети, пальцы были тонки, как спицы. Отец, взяв его из деревни, отыскивал ему кормилицу в городе, разъезжая по улицам Парижа со своим чуть живым, спелёнатым крошечным сыном и усердно кутая его в свой плащ. Ни одна женщина не бралась его кормить, думая, что он вот-вот испустит дух. Наконец добрая госпожа Руссо сжалилась над отцом и над брошенным матерью бедным маленьким существом; она согласилась взять его на свое попечение и обещала убитому горем Детушу употребить все старания, чтобы сохранить жизнь его сыну. И ей удалось как нельзя лучше исполнить это обещание.

Д'Аламбер говорил, что отец часто навещал его у кормилицы, радовался его детской резвости, восхищался ответами пятилетнего сына, в которых видел проявление необыкновенного ума; скоро он отдал мальчика в школу, и учитель вполне разделял восторги отца.

Детуш, навещавший изредка г-жу Тансен, не переставал говорить ей об их сыне; наконец ему удалось заинтересовать ее настолько, что она согласилась поехать с отцом, чтобы взглянуть на мальчика. Во время этого визита Детуш, лаская ребенка, сказал его матери: «Не правда ли, сударыня, очень жаль, что такое милое, даровитое существо было так безжалостно брошено». Семилетний Д'Аламбер прекрасно помнил этот первый и последний визит своей матери, слова отца и то, что госпожа Тансен тотчас же после них собралась уходить, сказав: «Мне здесь не хорошо – душно».

Детуш, умирая, поручил Д'Аламбера своему семейству; родные отца постоянно поддерживали с ним сношения; он часто ходил обедать к своим двоюродным сестрам и братьям.

Наша дружба с Д'Аламбером дала мне право спросить его однажды, верно ли говорят, что в то время, когда он прославился, мать его поручила одному из своих друзей сообщить сыну о своем желании его видеть? Он отвечал: нет, никогда ничего подобного не было. Однако, заметила я, многие утверждают, будто бы вы на это гордо ответили, что мать, не заботившуюся о вас до приобретения вами известности, вы не считаете и матерью. И все одобряют такой

ответ как вполне справедливое возмездие. Нет, сказал он, никогда бы я не отказался обнять своей матери, если бы она когда-нибудь захотела меня признать; я был бы не в силах лишиться себя этого счастья.

Госпожа Тансен отказала все свое состояние Астуку, своему врачу. Многие утверждали, что он был только ее душеприказчиком и состояние должно было достаться Д'Аламберу, но последний не заявлял на него своих прав; он говорил, что госпожа Тансен, как видно, очень любила своего домашнего врача, его же никогда не хотела знать при жизни, а потому, по всей вероятности, не думала о нем и на своем смертном одре».

В этом рассказе для нас весьма важно то, что Д'Аламбер сам положительно отвергал неизвестно кем сочиненную басню о своем гордом ответе матери, бросившей его беспомощным ребенком. Такой холодный, жестокий ответ выражает озлобление и какую-то кичливость своими природными способностями и внешними успехами. Удивительно, что этот вымысел нашел себе место во многих биографиях Д'Аламбера, написанных людьми, знавшими его лично. Жестокость и кичливость были несвойственны Д'Аламберу; в семействе бедной стекольщицы не у кого было ему выучиться скрывать свои чувства из ложной гордости; он вырос, не имея понятия о словах Талейрана: язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои чувства.

Есть основание предполагать, что характер Д'Аламбера был очень схож с характером его отца, который, к сожалению, умер, когда Д'Аламберу шел десятый год. Отец с любовью встретил блестящие проявления необыкновенных способностей ребенка и внимательно следил за первоначальным его воспитанием. Он поместил четырехлетнего мальчика в хороший пансион, и с этих лет Д'Аламбер начал серьезно учиться. После смерти отца Д'Аламбер наследовал пожизненную ренту в 300 рублей в год; семейство же отца приняло на себя все заботы о его воспитании. Вскоре содержатель пансиона объявил родным, что он передал мальчику все свои небольшие познания и оставаться у него для Д'Аламбера далее бесполезно; он легко может поступить во второй класс училища (college). Память об этом первом учителе всегда была дорога Д'Аламберу; оставив пансион, он сохранял отношения с

учителем и помогал его детям в занятиях, когда бедность не позволяла ему оказывать им другой помощи. Живя в пансионе, а потом в училище, Д'Аламбер постоянно посещал свою кормилицу, госпожу Руссо, любившую его больше своих собственных детей.

В этих постоянных сношениях с честным и добрым семейством стекольщика Д'Аламбер привыкал к суровой, простой жизни, научался уважать труд, понимать нужду и горе простых людей. Под этой бедной кровлей запали лучшие семена в его нежную душу, рано испытавшую чувство грусти. Мать Д'Аламбера, госпожа Тансен, как мы сказали, не изъявляла желаний его видеть, и это должно было сильно огорчать его в детстве, потому что он не мог к этому отнестись равнодушно и впоследствии. Может быть, он также бессознательно грустил под влиянием меланхолических ласк одинокого отца, опечаленного небрежным отношением любимой им женщины к ним обоим.

Тринадцати лет Д'Аламбер поступил в училище имени Мазарини (college Mazarin); там он пробыл три года, и успехи его на всю жизнь сохранились в памяти его учителей. Один из профессоров, ярый янсенист, старался отвлечь мальчика от занятий литературой и поэзией, к которым он обнаруживал уже в то время большую склонность; однако янсенист напрасно внушал Д'Аламберу, что поэзия *сушит сердце*. У профессора философии, тоже янсениста, Д'Аламбер целых два года слушал философию Декарта. Лучшим же учителем его был профессор математики Карон; он отличался большою ясностью и точностью изложения и успел внушить Д'Аламберу интерес к математике.

В коллеже Мазарини Д'Аламбер прекрасно выучился всему, чему тогда учили; отлично знал по-латыни, а по-гречески настолько, что впоследствии мог читать в подлиннике Архимеда и Птолемея. В то время обращали большое внимание на развитие красноречия, и Д'Аламбер вышел из школы замечательным оратором; это ему очень пригодилось в жизни. Красноречие Д'Аламбера доставило много приятных часов его современникам и послужило неисчерпаемым источником удовольствия для него самого. Сам же Д'Аламбер со свойственным ему остроумием говорил, что целых восемь лет он учил в школе одни только *слова* и умел говорить *только фразы*, потом наконец его начали учить правильно понимать вещи с

помощью схоластической логики. Разумеется, это не приводило к серьезным результатам, а только к разговорам. Физика, преподаваемая в то время, отличалась большою сбивчивостью; она вся состояла из неясных определений и очень мало удовлетворяла строгий ум Д'Аламбера. Впоследствии Д'Аламбер постоянно смеялся над этою физикой и любил сочинять на нее остроумные пародии. В то время не было введено преподавание географии и истории, и лучшие ученики, окончивая курс, иногда не знали, что в Испании главный город – Мадрид. Молодые люди сами изучали ту и другую науку с помощью книг. Сверх того, в коллеже было принято читать им что-нибудь поучительное во время завтрака и обеда. Тогда молодые люди выносили из школы мало фактических знаний, но стремились учиться; а это стремление – самый ценный результат первоначального образования. В XVIII столетии юноши, оставляя школьную скамью, не говорили, как теперь: «Слава Богу, наконец-то я отделался от этого ученья!» В то время и школа преследовала другие цели; она не готовила ни к какой определенной профессии, еще менее заботилась она о каких бы то ни было экзаменах, но давала учащемуся известный запас знаний, которым он сам мог распорядиться по своему усмотрению. Целью среднего образования в то время было научить рассуждать, говорить, сознательно читать и излагать более или менее удачно свои мысли письменно. Бертран замечает, что дать фактическое знание не так важно, как развить умение рассуждать, говорить и писать; знание можно приобрести во всякую пору жизни; человек же, не научившийся до двадцати лет говорить и писать, никогда не будет ни оратором, ни писателем.

Д'Аламбер, по выходе из школы, выдержал экзамен на степень бакалавра искусств; затем два года посещал академию юридических наук и вышел оттуда со званием лиценциата прав. Блестящий ум и красноречие обещали ему славную будущность на поприще адвоката, но эта профессия на первых же шагах пришлась Д'Аламберу не по сердцу; таких случаев, когда обвиняемый был действительно ни в чем не повинен, находилось немного, а в других – Д'Аламбер не мог защищать со спокойной совестью; он бросил адвокатуру и принялся изучать медицину. Но изучая право и медицину, Д'Аламбер для своего удовольствия занимался математикой; он был прекрасно подготовлен к дальнейшим

математическим занятиям уроками своего бывшего преподавателя Карона, к которому чувствовал глубокую признательность. Мало-помалу Д'Аламбер совершенно втянулся в математику. Друзья его и родные отца, замечая эту – развивающуюся склонность, предостерегали его, говоря, что с математикой далеко не уйдешь; они убедили Д'Аламбера расстаться с математическими книгами. Он отнес их к Дидро и предался медицине, но мысль его была прикована к математике. Задачи носились в его голове и не давали покоя. Д'Аламбер был пылок и нетерпелив от природы; он не умел побеждать своих желаний. Когда ему необходимо было проверить решение какого-нибудь вопроса, он шел за своей книгой; таким образом он перетащил мало-помалу всю прежнюю математическую библиотеку в свою маленькую комнату. Пришлось покориться несчастной страсти; он отдался ей с восторгом и упоением. Медицина была заброшена. Д'Аламберу едва исполнилось двадцать лет, когда он решил сделаться математиком, а в двадцать шесть лет он был уже светилом этой науки.

Мы говорили, что все профессора коллежа Мазарини были священники, преданные делу воспитания и очень любимые учениками, но при этом ярые янсенисты. Они действительно принимали самое нежное и горячее участие в своих питомцах и старались не выпускать их из виду, руководить ими в жизни. Жан Лерон (Д'Аламбер), юноша открытый и доверчивый, сперва слушался их советов, пока не заметил, что почтенные воспитатели желают из него сделать орудие своих убеждений, натравляя его на иезуитов. Сначала, по выходе из школы, он увлекся было религиозной полемикой, но потом она ему наскучила, и он стал считать вредными людьми всех, кто развивал фанатизм, нетерпимость и нарушал общий мир и спокойствие. Но святые отцы, как видно, возлагали большие надежды на своего талантливое ученика и видели в нем сильного и мощного врага иезуитов; отчасти эти надежды сбылись, но, конечно, не в той форме, какая желательна была янсенистам. Янсенисты, как видно, пересолили в своем усердии и, может быть, главным образом потому не достигли своей цели. Нравственное же их влияние на Д'Аламбера было благотворно, потому что, окруженный попечением и нежным участием своих учителей и воспитателей, он отвык грустить,

развился, окреп, расцвел душою «и в жизнь вошел с прекрасным упованьем». Воспитание под руководством янсенистов не помешало ему, однако, приобрести совершенно независимый взгляд на их учение; он говорит в своем сочинении «О иезуитах» следующее: «Янсенисты в одно и то же время верят в предопределение и проповедуют самую строгую нравственность; они твердят человеку: вам предстоит в жизни исполнение трудных и великих обязанностей, но вы сами по себе исполнить их бессильны: как бы вы ни старались, как бы ни упражнялись в добродетели, все-таки каждое ваше действие будет только *новым преступлением*, если Бог не предопределил *заранее и независимо* от всех ваших заслуг того факта, что на вас снизойдет Его милость. К счастью, Бог не таков, каким стремятся представить его янсенисты. Если б это было так, то люди очутились бы в ужасном положении подданных монарха, который имел бы жестокость им сказать: ваши ноги в цепях и вы не властны их снять; несмотря на это, я предам вас вечному мучению, если вы сейчас же не будете ходить долго и прямо, находясь притом все время на краю самой глубокой пропасти». Это учение, являясь логически несообразным, ставило людей в самое безвыходное положение. Оно, как и следовало ожидать, возмущало строгий ум Д'Аламбера и затрагивало его чувство гуманности. Но все это Д'Аламбер писал впоследствии, в зрелых летах; очень может быть, что на пороге жизни у него не было такого определенного взгляда на янсенистов, но все же ум его, как мы сказали, скоро освободился от их влияния.

Вообще воспитание Д'Аламбера можно считать весьма удачным, даже счастливым; школа, как мы видели, дала ему весьма многое в умственном и нравственном отношении.

В последние дни своей жизни, убитый горем и больно, Д'Аламбер часто вспоминал первые годы своего вступления в жизнь и с увлечением говорил: «Да, математика – это моя самая старая любовь, самая верная возлюбленная!» В молодости он, оставив занятия медициной и всецело отдавшись математике, поселился опять у своей кормилицы и был рад, что его небольшие средства позволяли ему несколько улучшить материальное положение этой дорогой ему семьи. В скромном жилище женщины, заменившей ему мать, он нашел спокойствие духа, необходимое для серьезного

труда. Наука, впрочем, приносила ему много наслаждения. Каждый день, просыпаясь в своей маленькой душевной комнате, он весело вскакивал с постели, поспешно одевался и умывался. Каждый новый день сулил ему новые радости; он с восторгом думал о продолжении интересного научного исследования, начатого вчера. Целый день он будет работать и вечером с какою радостью отправится в театр, даст отдохнуть голове, открыв свое чистое, нежное сердце впечатлениям всего прекрасного, благородного; в антрактах же будет составлять план работ на следующий день. Других удовольствий у него тогда не было, и он не имел о них ни малейшего понятия. Отсутствие всякого тщеславия и привычка удовлетворяться в материальном отношении весьма немногим дали ему спокойствие и свободу, которыми располагают в молодости только вполне обеспеченные люди. Он мог не продавать своего времени и не продавал его ни за какие деньги. Друг его Дидро в этом отношении находился в худшем положении – он принужден был в молодости зарабатывать себе хлеб грошовыми уроками. Однако не следует думать, чтобы и Д'Аламбер не нуждался; средства его были весьма невелики, и он часто вместе со своим другом Дидро гулял зимой в осеннем пальто, а летом носил зимний сюртук. Обоим было, впрочем, мало до этого дела; Дидро и тогда уже носился с идеей издания «Энциклопедии» и посвящал Д'Аламбера в свои смелые и широкие планы.

Жизнь ученого не отличается таким внешним разнообразием, как жизнь общественного деятеля, или, вернее, она кажется однообразною людям, не знакомым с теми радостями и печалью, с которыми сопряжена наука. В сущности жизнь ученого имеет большое сходство с жизнью полководца: приходится одолевая всякого рода препятствия – это те же враги, и для борьбы с ними также требуется страшное напряжение сил. Но все же следить шаг за шагом за деятельностью ученого, даже такого многостороннего, каким был Д'Аламбер, утомительно для весьма многих; поэтому мы оставим Д'Аламбера на пороге жизни, погруженного в вопросы астрономии и механики, решение которых дало ему бессмертную славу. Мы остановимся только на главных моментах его жизни и постараемся рассмотреть этого замечательного человека со всех сторон. Мы раскроем перед читателем его частную и личную жизнь, которая представляет много своеобразного и выдает его

чрезвычайно восприимчивую душу, и затем уже перейдем к выяснению его участия в создании «Энциклопедии» XVIII века, имевшей глубокое влияние на нашу цивилизацию. «Введение к Энциклопедии», написанное Д'Аламбером, было, как мы увидим, большим событием и для самого ученого, оно привлекло к нему внимание публики, нарушило уединение математика и вывело его на философско-литературную арену.

От частной жизни мы перейдем к рассмотрению той деятельности Д'Аламбера, которую можно назвать общественной; он был членом двух академий – Академии наук и Французской Академии; в последней он занимал должность постоянного секретаря. Красноречие и многосторонность Д'Аламбера делали его душой обоих этих учреждений; ему то и дело приходилось говорить похвальные речи, в которых он высказывал свои взгляды на жизнь, на различные науки, на поэзию, историю и так далее. Д'Аламбер никогда не занимался преподаванием, и современники только в академии имели удовольствие слышать его живое слово. Благодаря той же деятельности делалось известным его отношение к современным ему ученым и писателям. С годами он, конечно, приобрел большое влияние в обеих академиях и мог употребить его и употреблял на защиту талантов и трудолюбия. В последнем случае Д'Аламбер часто пользовался своею дружбою с Фридрихом Великим. Отношения Д'Аламбера с его высокими покровителями – с королем прусским и Екатериной II – так много говорят в пользу его личности и выставляют в таком блистательном и ярком свете его особенности, что мы посвятили им особую главу. Рассматривая со всех сторон личность Д'Аламбера, мы стремимся указать главный характер его научной и философско-литературной деятельности; мы увидим, что в математике и астрономии он является глубоким философом, в философии – человеком науки, в литературе – энциклопедистом в полном смысле этого слова; и везде – гениальным, но простым человеком, в котором нет ничего искусственного. Мы предположим оценку личности Д'Аламбера его портрет, набросанный им самим.

Портрет Д'Аламбера, набросанный им самим в 1776 году. – Личная и частная жизнь Д'Аламбера

Во внешности Д'Аламбера нет ничего особенно замечательного – ни хорошего, ни дурного; обычное выражение его лица – ироническое и насмешливое.

Говорит Д'Аламбер обыкновенно неровно, то чересчур весело, то слишком серьезно, смотря по настроению своей души; часто речь его бывает отрывиста, но никогда она не способна утомить и наскучить. Веселость его иногда переходит в ребячество, и это школьничество представляет поразительный контраст, который чрезвычайно к нему всех располагает, с солидной репутацией, приобретенной им в ученом мире; он нравится, несмотря на то, что несколько об этом не старается. Он редко спорит, хотя и стоит за свои убеждения; ему нет необходимости насильно заставлять других разделять его мысли. Последнее, впрочем, объясняется еще тем, что он только в области точных наук признает существование абсолютных истин, все же остальное кажется ему относительным и условным; он думает, что обо всем остальном можно говорить все что угодно.

Отличительные свойства его ума – ясность и точность. В области высшей математики он проявил талант и большую легкость в работе, и это очень рано создало ему довольно громкое имя. Ученый труд, при его способностях, оставлял ему много досуга, и он пользовался своим свободным временем, чтобы с успехом заниматься литературой; его слог, сжатый, ясный и точный, большею частью легкий, простой, иногда отличается сухостью, но никогда не обнаруживает дурного вкуса; в нем всегда больше силы, чем теплоты, более истинности, чем воображения, и благородство преобладает над грацией.

До двадцати пяти лет Д'Аламбер жил в полнейшем уединении, исключительно преданный научным занятиям; он поздно вступил в жизнь и никогда не мог с нею вполне освоиться; непонимание стариной освященных обычаев и светского языка составляет его маленькую гордость. Однако его нельзя назвать невежей, потому что он неспособен быть грубым, и если великий ученый не всегда соблюдает приличия, то частью по невниманию, частью же по

незнанию их. Compliments, которыми внезапно осыпают Д'Аламбера, приводят его в замешательство; он часто не знает, как и чем ему отвечать. Самое основное свойство его характера – откровенность и правдивость, иногда резкие, но никогда не отталкивающие.

Нетерпение и гнев быстро и сильно овладевают Д'Аламбером; он не всегда в состоянии с ними справиться, но здесь все дело оканчивается словами; в сущности он человек очень мягкий, уживчивый, более обязательный, чем это кажется; его легко прибрать к рукам, не давая ему этого только понять, потому что любовь к независимости доходит у него до фанатизма; независимость ему дороже всех благ в жизни; один из друзей справедливо называл его *рабом своей свободы*.

Некоторые считают Д'Аламбера злым, потому что он смеется над глупцами. Если это зло, то во всяком случае единственное, к какому он только способен; он был бы в отчаянии, если бы ему пришлось сделать неприятность даже своему врагу. И это не потому, что великий ученый прощает людям зло и несправедливость или их забывает; он не может иначе мстить человеку, как лишив его своей дружбы.

Без семьи, без связей, с ранних лет предоставленный самому себе, Д'Аламбер с детства привык к суровой, тяжелой, но свободной жизни; природа, к счастью для него, одарила его талантами и не наделила страстями; в науке и в прирожденной веселости он нашел утешение от стеснительных внешних условий, создав себе без всяких сознательных усилий своеобразное и сносное существование. Все это знаменитый математик завоевал благодаря только самому себе и своей природе; поэтому он не имеет понятия о низости, об искусстве пресмыкаться и льстить, чтобы приобрести себе положение; он глубоко презирает громкие, но пустые имена и титулы и не стесняясь говорит об этом печатно. Это создало ему много врагов, стремившихся представить его самым высокомерным человеком на свете, тогда как на самом деле он был только независим и горд.

Никто более его не радуется чужим талантам и успехам; он не терпит лишь одного шарлатанства; последнее выводит его из себя.

Д'Аламбер очень чувствителен к похвалам и к порицаниям, но

только в минуту первого впечатления; как скоро оно миновало, размышление мгновенно освобождает душу от впечатлений.

Он держится того правила, что человек ученый, литератор, имеющий в виду передать свое имя потомству, должен писать с большою осмотрительностью, обращать довольно большое внимание на свои поступки и говорить *все*, что думает. Согласно этому правилу, сам Д'Аламбер говорит много глупостей, но никогда их не делает, а тем более не пишет.

Трудно отыскать человека, который был бы бескорыстнее Д'Аламбера; но у него так мало нужд и желаний, что ему это бескорыстие нельзя и ставить в заслугу; это скорее отсутствие порока, чем добродетель.

Есть немного людей, действительно любимых Д'Аламбером, да и с теми, кого он любит, он довольно сдержан: из всего этого заключают, что он не склонен к истинной дружбе; однако никто живее его не способен разделить радость и горе своих друзей; и то, и другое лишает его сна и покоя, и нет такой жертвы, которой он не мог бы принести своим друзьям.

Душа его, чувствительная от природы, открыта всем нежным чувствам и одинаково подвержена радости и грусти; последнему чувству он отдается даже с некоторым упоением и под влиянием его способен и любит писать самые трогательные вещи.

После всего этого неудивительно, что он в молодости своей был доступен самой живой, нежной и сладостной из всех страстей. Долгое время, однако, вследствие уединения, это чувство таилось в глубине его души, погруженное в глубокий сон; но пробуждение его было ужасно: любовь принесла Д'Аламберу одно только горе, и оно надолго внушило ему равнодушие ко всему на свете: к людям, к жизни, к науке.

Д'Аламбер готов повторить слова Тасса: «Я потерял то время, которое прошло у меня без любви». Он не замечал *проявлений* любви к себе и долгое время не подозревал, что его любят; по простоте своей великий ученый не мог себе представить, как можно любить и делать вид, что не любишь! Его душа нуждалась в чувстве, которое могло бы ее переполнить, а не измучить; ему хотелось нежных, сладких волнений, а не толчков, потрясений и терзаний.

Этот портрет, набросанный мастерскою рукою, есть в то же

время грустная повесть души. Д'Аламбер встает перед нами как живой, со всеми своими достоинствами и недостатками. Душа его напоминает музыкальный инструмент со всеми струнами, и притом хорошо натянутыми. Ему одинаково свойственно проявление чувств и самых сильных, и самых нежных.

Когда мы говорили о детстве Д'Аламбера, его юности и первых шагах на поприще жизни, он нам представлялся таким, каким мы видели его здесь, на портрете. Последующие же события его жизни еще более убедят нас в правдивости этого изображения.

Существует ходячее и неверное мнение, будто каждый ученый живет исключительно зарывшись в свои книги, что наука сушит ум и леденит сердце. Но близкое знакомство с жизнью ученых говорит, напротив, о том, что личная жизнь весьма часто играет не только видную роль в жизни ученого, но также врывается в его научную деятельность, изменяет ее содержание, придает ей иной характер. Никакие отвлеченные рассуждения на эту тему не могут так обнаружить несправедливости упомянутого ходячего мнения, как отношение Д'Аламбера к госпоже Леспинас!

Д'Аламбер в отношениях своих с женщинами был в высшей степени нежен и деликатен, но горд; малейшая неудача приводила его в смущение. Во всю свою жизнь он был дружен с тремя женщинами: с госпожой дю Деффан, с госпожой Жоффрен и с госпожой Леспинас. Две первые были на двадцать лет старше своего друга, а последняя на пятнадцать лет его моложе; так как последней бесспорно принадлежало первое место в его сердце, то мы начнем с нее и на ней главным образом остановимся.

Юлия Леспинас, как мы увидим далее, не одними только своими отношениями с Д'Аламбером заслуживает внимания и возбуждает наш интерес. Ее мать, графиня Дальбан, сначала отдала ее на воспитание простому торговцу Клавдию Леспинасу, который дал девочке свое имя и очень о ней заботился. Когда Юлии исполнилось пятнадцать лет, мать взяла ее к себе, но у графини были другие дети, которые ненавидели Юлию и, как могли, отравляли ей жизнь. За несколько часов до своей смерти мать посвятила Юлию во все свои тайны, дала ей шкатулку с ее документами и ключ от конторки, где хранилось ее наследство. Юлия передала ключ брату, чтобы он сам отдал ей наследство матери. Но брат, как видно, не отличался

таким благородством; он холодно сказал ей: здесь ничего нет вашего. На следующее же утро, завладев шкатулкой с ее бумагами, он через лакея велел сказать ей, что она может идти, куда ей угодно. Не жалуясь, не протестуя и ничего не требуя, Юлия поспешила оставить дом и приютилась снова в семействе Леспинас. Вскоре она поступила гувернанткой к родственнице своей матери, невестке г-жи дю Деффан; последняя же, приехав погостить к брату, познакомилась с Юлией; молодая девушка была некрасива, с мелкими, неопределенными чертами лица, но чрезвычайно умна; в ней было что-то тонкое, изящное, благородное; она держала себя кротко, но с большим достоинством. Дю Деффан совершенно пленилась Юлией и предложила ей место своей компаньонки. В салоне дю Деффан собирались самые даровитые люди в Париже; в числе постоянных посетителей его был и Д'Аламбер, тогда уже известный автор «Введения к Энциклопедии». В этом салоне, где царил поклонение уму и талантам, остроумная, красноречивая Леспинас скоро сделалась царицей; дю Деффан гордилась ею и выставляла ее достоинства при каждом удобном случае. Успехи вскоре вскружили голову молодой девушке. Салон дю Деффан незаметно превращался в салон Юлии Леспинас, и последняя чувствовала себя полной его хозяйкой. Дю Деффан обычно вставала поздно и никого не принимала до пяти часов. Юлия же Леспинас, напротив, очень рано начинала принимать гостей, пренебрегая обычаями дома. Случалось, что, когда дю Деффан открывала глаза, все посетители успевали уже перебыть в ее доме и, насладившись беседой с Юлией Леспинас, разносили по городу ее остроты. Все это мало-помалу раздражало дю Деффан и наконец вывело ее из себя; она пришла в ярость и как-то раз насмешила и рассердила гостей диким проявлением своего гнева. Несмотря на все это, нельзя не сказать, что на ее стороне была справедливость. Леспинас, почувствовав свою силу, отнеслась к ней безжалостно и высокомерно; она ушла из ее дома, и салон дю Деффан опустел совершенно. Друзья в складчину помогли Леспинас устроиться самостоятельно. Госпожа Жоффрен подарила ей ежегодную пожизненную пенсию в 750 рублей; госпожа де Люксембург дала приличную обстановку, и так далее; одним словом, она вскоре устроилась так, что могла достойным образом принимать всех своих

поклонников. Это окончательно взбесило дю Деффан; ее салон был для нее в жизни решительно всем; теперь образовались два салона, причем посетителям пришлось выбирать между ними, и Д'Аламбер, поссорившись со своим старым другом, перешел во враждебный лагерь Леспинас. С тех пор между Д'Аламбером и Юлией завязалась самая нежная, самая тесная дружба, имевшая большие последствия для Д'Аламбера. Математику, старую возлюбленную ученого, положительно вытеснила новая. Сблизившись с Леспинас, Д'Аламбер хотя и продолжал обогащать науку новыми открытиями, но все же уделял ей с трудом лишь несколько часов в день; остальное же время отдавал более легким занятиям, и притом таким, в которых могла принимать участие Леспинас. Они вместе занимались философией и литературой; трудно было даже определить, где кончался труд Д'Аламбера и начиналось вмешательство Леспинас; во всех рукописях Д'Аламбера, относящихся к этому времени, мы встречаем то почерк Д'Аламбера, то руку Леспинас. Этот совместный мирный труд, казалось, мог наполнить собою жизнь обоих и соединить их навеки неразрывными узами. Все друзья говорили о них: «Вот оно – настоящее, завидное счастье!» Госпожою Леспинас восхищались все знаменитые друзья Д'Аламбера: ученые, писатели, артисты; это видно из их писем. Даже Вольтер хвалил ее письма; к ней удивительно шла роль хозяйки салона; она обладала истинным талантом соединять около себя людей, понимая индивидуальные особенности каждого. Выражалась она всегда очень метко, но в то же время очень изысканно, и с большою страстью увлекалась умными людьми. Когда она слышала о каком-нибудь замечательно умном человеке, то положительно горела желанием его видеть. Ей одно время сильно хотелось познакомиться с натуралистом Бюффеном. Госпожа Жоффрен взяла на себя приятную обязанность ее осчастливить – пригласила Бюффона. Леспинас была на седьмом небе, уселась против него, впиалась в него глазами и приготовилась слушать, не проронив ни слова. Она сама завела разговор, похвалив слегка и тонко манеру Бюффона писать – его умение соединить ясность слога с возвышенностью. «Ах, черт побери, – сказал Бюффон, – когда приходится обрабатывать слог, случается переменить не одну пару манжет», – он прибегнул к вульгарному, уличному сравнению,

равносильному нашему *попотеть!* Этого было достаточно, чтобы Леспинас отвернулась от Бюффона в негодовании и целый вечер не могла опомниться. Это щепетильное, на вид сдержанное и уравновешенное существо в глубине души скрывало, однако, сильные и не всегда благородные страсти, которые били иногда ключом, вырываясь наружу. Наслаждаясь ясным, светлым, но тихим счастьем с Д'Аламбером, она не могла устоять против жгучей страсти к испанцу Мора; последний был сыном испанского посланника; этому красивому и впечатлительному молодому человеку огромное богатство доставляло возможность быть великодушным и окружать себя великолепием. Но богатство, конечно, не играло никакой роли в глазах Леспинас; она томилась только неутолимой жаждой сильных и новых ощущений, и то сердце, которое Д'Аламбер завоевал постепенно и с большим трудом, вдруг без борьбы и сопротивления отдалось молодому испанцу. Она не скрывала своих чувств, и пылкий Мора не мог устоять против такой безграничной страсти. Во время одной десятидневной разлуки он прислал двадцать два письма госпоже Леспинас, и все эти письма прошли через руки Д'Аламбера, не заронив в душе его ни малейшего подозрения. Когда Мора уехал в Испанию, Юлия чуть не сошла с ума; она каждый день писала к нему и лихорадочно ждала от него писем; для того, чтоб получить их тремя часами раньше, она посылала на почту Д'Аламбера и в благодарность за все это относилась к нему почти враждебно. Д'Аламбер страдал вместе с нею и старался ее как-нибудь развлечь; он уговорил ее однажды отправиться с ним на один литературный обед; там они познакомились с Жибером, который тогда возбуждал самые розовые надежды: думали, что из него выйдет второй Боссюэ и так далее. Впоследствии, и даже вскоре, он обманул, однако, все эти ожидания. Мы же упоминаем здесь о нем только потому, что он сразу занял в сердце Леспинас место Мора; на другой же день после первого знакомства с ним она писала Кондорсе: «Я познакомилась с Жибером; он мне очень нравится; его душа отражается во всем, что он говорит; в нем видна какая-то гордая сила и возвышенный ум; он решительно ни на кого не похож». Из писем Кондорсе видно, что он отчасти разделял очарование Леспинас Жибером. С Д'Аламбером она мало и неохотно говорила о Жибере и совсем о нем не писала

Мора. Эта внезапная страсть к Жиберу нисколько не уничтожила привязанности Леспинас к Мора, но только изменила ее характер; она чувствовала к последнему страстную жалость; он действительно был очень болен.

Д'Аламбер, как ни желал не замечать всех этих измен, однако их видел, доказательством чего служат многие тонкие и грустные намеки, уцелевшие в его письмах; например, на одном из его портретов, подаренном г-же Леспинас, мы читаем следующую подпись, в которой столько нежной печали:

Et dites, quelquefois en voyant cet image,
De tous ceux, que j'aimai, qui m'aima, comme lui?¹

Да! Он сам неизменно ее любил, даже тогда, когда она, отдаваясь новым чувствам, относилась к нему не только с равнодушием, но с нескрываемой ненавистью. Но он смотрел на все это, как на болезнь, которая когда-нибудь пройдет же; он долгое время мечтал, что любовь к нему в сердце его возлюбленной только уснула и проснется опять с новой силой; он терпеливо и грустно ожидал этого желанного пробуждения, ухаживая за своим другом, как за больным ребенком. Но нравственное состояние Леспинас становилось с каждым днем все хуже и хуже: любовь и страдание совершенно истощили ее силы; она презирала себя за слабость своего сердца и, гордая от природы, не могла вынести этого презрения к себе; несчастная женщина отравилась и скончалась на руках Д'Аламбера, произнося имя Жибера, который в то время только что женился.

Д'Аламбер, как большая часть людей с очень нежными и тонкими чувствами, на вид казался холодным и иногда жестким. Эта внешняя оболочка скрывала от непроницательных глаз сокровища его души. Он отличался большою откровенностью и никогда ничего не скрывал намеренно, но бессознательно защищался посредством наружной холодности, как все очень впечатлительные люди. Когда же умерла Леспинас, весь ученый и литературный мир узнал, что Д'Аламбер, умевший так весело и громко смеяться, умел также искренно плакать. Безграничная его печаль вызывала общее

сочувствие; она тронула даже действительно холодное сердце Вольтера, который старался, как мог, его утешить. Но все это не достигало цели – не смягчало душевного горя. Одна только страсть к математике делала жизнь Д'Аламбера сколько-нибудь сносной. Общее уважение и даже поклонение окружающих иногда на миг его развлекали, но не давали настоящего утешения.

Жизнь потеряла для него всякую привлекательность; он желал смерти как избавления от невыносимых душевных страданий. Никто, конечно, не мог их так глубоко понять и так живо описать, как он сам сделал это на страницах, посвященных памяти своего друга. Мы приведем из них следующий отрывок:

«Я обращаюсь к вам, к той, которая не услышит меня больше, к той, которую я так нежно и неизменно любил и которая, думаю, что хоть одно мгновение любила меня; я ставил вас выше всех и всего на свете; вы могли бы для меня быть решительно всем, если бы вы пожелали...

Я не могу понять, как могло то нежное чувство ко мне, которым я так дорожил, вдруг измениться до такой степени и перейти в отчуждение, в ненависть.

Если вы страдали, отчего не разделили со мной своих страданий?.. Если вы были виноваты передо мной, моя дорогая, отчего было не сказать мне; с какою бы я нежностью простил вам все, если бы все знал».

Для лучшей характеристики личности Леспинас можно обратиться к ее портрету, также удачно набросанному рукой Д'Аламбера. Их связь, сама по себе интересная в психологическом отношении, наводит на многие вопросы, весьма важные в жизни обыкновенных и великих людей.

В данном же случае для нас этот портрет имеет еще другое значение: он знакомит людей, не читавших сочинений Д'Аламбера, с его манерой писать. Всего поразительнее здесь противоположность двух личностей: Д'Аламбер был всегда самим собою, а Леспинас постоянно отличалась некоторою двойственностью.

Вот портрет Леспинас, написанный Д'Аламбером в 1771 году.

Мы приводим его, как привели и характеристику Д'Аламбера, в сокращенном виде.

«Время и привычка, искажающие все на свете, разрушающие

наши убеждения и иллюзии, уничтожающие и ослабляющие самую любовь, не коснулись того чувства, которое вот уже семнадцать лет как вы заронили в мою душу; это чувство все укрепляется и усиливается знакомством с вашими привлекательными качествами и достоинствами. В эту минуту, описывая вас, я чувствую их особенно живо.

Я не буду говорить о вашей наружности; это мало интересует меня, старого философа; скажу только, что замечаю, как всех поражают ваше благородство и ваша грация; в ваших чертах так много выражения, столько души, а это лучше всякой мертвой красоты! Я мог бы назвать многих из ваших друзей, которые охотно пошли бы дальше дружбы, если бы вы разрешили им это.

Ваш ум нравится всем; он и должен нравиться, потому что с каждым вы умеете говорить на его собственном языке».

Далее Д'Аламбер говорит г-же Леспинас, что она весьма требовательна в том, что касается манер и хорошего тона.

«Тонкость вкуса у вас находится в тесном соединении с желанием нравиться; вы во всем естественны, но ничуть не просты. Искренняя, осторожная и сдержанная, вы обладаете искусством владеть собой без всяких видимых усилий и скрывать свои чувства, не подавляя их нисколько. Но природа иногда заявляет свои права над вами. В вас чрезвычайно много противоречий: вы бываете нередко в одно и то же время и веселы, и печальны, но большею частью вы насквозь проникнуты горестным чувством отвращения к жизни; оно всегда неразлучно с вами, и если бы в самую счастливую минуту в жизни вам предложили умереть, вы согласились бы на это с радостью.

Вы одарены не только возвышенной, но и весьма чувствительной душой, но чувствительность причиняет вам больше страданий, чем удовольствий; вы убеждены, что без игры страстей нет счастья, но, понимая опасность, вы не решаетесь им отдаться. Избыток чувствительности делает вас весьма сострадательной даже к тем несчастным, которых вы мало знаете.

Ваша преданность друзьям не имеет пределов. Несмотря на это, вы чрезвычайно неровны и сухи, по крайней мере по отношению ко мне, и эта сухость, как хотите, неестественна. В то же время вы любите нравиться всем и каждому, и действительно я не знаю

никого, кем бы так поголовно все восхищались, как вами. Но вы, не довольствуясь теми, которыми уже обладаете, стремитесь все к новым завоеваниям; в последнем случае вы, даже вопреки себе, не очень разборчивы. Громкие имена и титулы на вас не действуют; несчастье воспитало в вас благородную гордость. Вы имеете основание с недоверием относиться к благодеяниям. Может быть, благородная гордость заходит у вас слишком далеко, но в этом случае избыток лучше недостатка. Ваша бодрость выше сил ваших; плохое здоровье и всякого рода неприятности испытывают ваше терпение, но не истощают его нисколько».

Леспинас доставила сильно любившему ее Д'Аламберу много лишнего горя. Она сделала его своим душеприказчиком, поставила его, так сказать, в необходимость разбираться в ее письмах, в числе которых были доказательства того, что и в те восемь лет, когда он считал себя исключительно любимым ею, она была ему неверна. Если она обманывала его при своей жизни, зачем было не уничтожить этих документов, отнимавших у него последнее светлое воспоминание о прошлом. Из этого можно заключить, что Леспинас или просто не думала о своем друге, или стремилась, так сказать, доконать его совершенно. Далее мы видим, что она завещала Жиберу свои сочинения, которые писала вместе с Д'Аламбером; можно себе представить, как тяжело было Д'Аламберу расстаться с этими рукописями, составлявшими часть его самого. Однако он отдал и эти свои сокровища счастливому сопернику, который совершенно не думал о Леспинас, потому что при жизни ее женился на другой. Д'Аламбер, впрочем, весьма гуманно относился к своим соперникам, отлично понимая, что не они были причиной его личного горя, а его собственные индивидуальные свойства, которые не могли вполне осчастливить его подругу. Леспинас, как известно, никогда не хотела выйти замуж за Д'Аламбера, потому что недостаточно сильно его любила. Вообще, если хорошенько вникнуть в отношения Д'Аламбера и Леспинас, то личная жизнь этого ученого представится какою-то утонченной, изысканной пыткой. Тисандье не причислил Д'Аламбера к мученикам науки, и действительно, наука приносила ему в жизни только счастье, к которому он вообще как нельзя более был предназначен по природе и воспитанию; он находил великое наслаждение в труде, не страдал

ненасытным честолюбием, требовал от жизни немногого, обладал хорошим здоровьем, был открытого, веселого нрава, и вот две женщины – Тансен и Леспинас – испортили ему детство и старость и совершенно лишили его семейной жизни. Между двумя этими женщинами было, пожалуй, некоторое сходство, если принять во внимание не внешние проявления, а самую сущность природы. Леспинас не называла общества своего салона зверинцем и не дарила гостям принадлежностей туалета; список людей, которым она отдавала свое сердце, далеко не так длинен, как приведенный в биографии госпожи Тансен. Леспинас была изящнее, утонченнее и во всяком случае человечнее, чем Тансен, но обе они отличались непостоянством, страстной любовью к новизне и разнообразию ощущений. В то же время между ними было существенное различие. Тансен никогда не стремилась себя обуздать, а Леспинас, напротив, употребила весь свой ум и всю свою волю, чтоб победить свою природную страстность, и умерла, проиграв сражение. Может быть, ее раздражительность относительно Д'Аламбера объясняется бессознательной невозможностью простить ему того, что он не мог своей любовью застраховать ее от увлечений другими. Д'Аламбер же, как все говорили, был человек со сложным умом, но с простыми чувствами.

Как ни мало известен нам характер генерала Детуша, отца Д'Аламбера, мы отыскиали в нем сходство с характером его сына. И теперь мы находим нечто общее между упреком, сделанным им госпоже Тансен за то, что она бросила его гениального сына, и теми нежными и грустными упреками, которыми Д'Аламбер, точно живыми цветами, осыпал своего мертвого друга!

Отношения Д'Аламбера и дю Деффан были весьма несложны; на пламенную ее любовь и дружбу он самое большее отвечал едва заметным чувством, даже в то время, когда его сердце было совсем свободно; однако он бывал у нее очень часто, оживлял своим остроумием и веселостью ее вечера, нетерпеливо слушал ее советы и поступал большею частью вразрез с ними. Дю Деффан любила его перезрелой любовью пожилой женщины и «мамаши», в которой почти всегда есть нечто сентиментальное, притязательное и повелительное. Такая любовь обыкновенно очень сильна, но стесняет, и ей довольствуются за неимением лучшей. Дю Деффан

познакомилась с Д'Аламбером по выходе в свет его знаменитого «Введения к Энциклопедии». Работы Д'Аламбера по математике и динамике еще когда он был совсем молод завоевали ему видное место в среде ученых, но он не был известен публике. Предисловие же к «Энциклопедии» наделало много шума и в мире образованных людей явилось настоящим событием. Общество многочисленных блестящих салонов относилось равнодушно к задачам динамики, но остроумное и бойкое изложение приводило его в восторг. Математический ум Д'Аламбера в соединении с унаследованным от матери литературным талантом придавал его сочинениям какую-то свежую, новую прелесть, а светские люди так любят новизну. Он вошел в моду, и дю Деффан употребила все усилия, чтобы привлечь Д'Аламбера в свой салон. Д'Аламбер, от природы веселый и общительный, с удовольствием заходил к ней по вечерам; ему сначала нравилось бывать там, где его встречали с таким неподдельным восторгом. Он по-прежнему отдавал много времени серьезным трудам, а затем веселился, как резвый школьник; он нравился решительно всем: и Вольтеру, и Монтескье, и госпоже Сталь. Окрыленный успехом, Д'Аламбер расправил свои могучие крылья... Дю Деффан не только восторгалась им, но и заботилась о его участи: она обещала достать ему место во Французской Академии; Д'Аламбер *соглашался* на это, но к удивлению своей покровительницы ставил *условия*: он должен иметь возможность ни перед кем не заискивать, не стесняясь выражать свои мнения и убеждения и так далее. Дю Деффан не одного человека пристроила, но никто ей не ставил таких условий. Она думала, что и без того не стесняла ничем Д'Аламбера, а требовала от него немногого – только небольшой похвалы своему другу, президенту Академии Эно, автору хронологической истории Франции. Такая похвала в «Энциклопедии» доставила бы большое удовольствие старому другу и место в Академии молодому. В ответ на эту просьбу Д'Аламбер заявил своей покровительнице весьма решительно, что президент не заслуживает такой чести, не обладает талантом, поэтому не только она, но и сам Бог не заставит его хвалить ничтожный труд. В «Энциклопедии», говорил Д'Аламбер, есть место только великим людям и замечательным трудам; он предлагает дю Деффан подумать о том времени, когда их обоих не будет в живых, – что

скажет о нем беспристрастное потомство? Но, как видно, покровительница Д'Аламбера жила только настоящим. Д'Аламбер огорчал ее беспрестанно; ее вечера скоро ему наскучили; он стал тяготиться ими и приходил к ней обедать для тихой беседы вдвоем. Между тем дю Деффан очень гордилась им и непременно хотела, чтобы его видели все посетители ее салона. И это еще далеко не всё. В тот момент, когда дело устроилось и решено было принять Д'Аламбера во Французскую Академию, он написал статью, в которой говорил об отношениях ученых и писателей к великим мира сего так, как будто сам совершенно не нуждался в последних. Дю Деффан не могла понять, с какой стати он выбрал именно такой неудобный момент для этой статьи и вообще зачем ее было писать без всякой надобности; в ее глазах это была одна только непростительная глупость; теперь все труды ее пропали напрасно. Она приходила в отчаяние, что дело испорчено, а Д'Аламбер только смеялся. Он был три раза забаллотирован во Французской Академии, как и в Академии наук...

Дю Деффан, любя Д'Аламбера, преувеличивала его чувства к себе; говорят, что при известии о смерти Леспинас она сказала: «Уми эта женщина пятнадцать лет тому назад, я не утратила бы Д'Аламбера». В письмах своих к нему она говорила, что они созданы друг для друга и так далее. Однако эта дружба не играла никакой существенной роли в жизни философа; он как будто ее не признавал: после смерти Леспинас и Жоффрен он считал себя вполне одиноким, вспоминал о своей кормилице, для которой он был дороже ее собственных детей, оплакивал ее смерть, но совершенно не замечал дю Деффан.

Отношения его к Жоффрен отличались большей нежностью, может быть, потому, что дружба последней была менее притязательна; вероятнее же, он не мог простить в душе госпоже дю Деффан оскорблений, нанесенных ею в пылу гнева Леспинас. Личность Жоффрен представляется нам в высшей степени светлою. Она была очень богата и умела оказывать благодеяния, не оскорбляя самолюбия и не позволяя их чувствовать. Давать и прощать было ее потребностью и вместе с тем девизом. Она была добра и в детстве не могла видеть ни одного нищего, чтобы ему чего-нибудь не дать; если у нее были в руках деньги, она отдавала

их, если же не было денег, то бросала нищему в окно свои книги, вещи, шляпу, носовой платок. С этой бесконечною добротой она соединяла замечательный ум. С годами трогательная доброта ее все увеличивалась. Д'Аламбер неизменно и нежно любил ее, любовался ее нравственной прелестью и в то же время чувствовал к ней безграничную благодарность за ее чистую, бескорыстную дружбу к себе и к Леспинас. Смерть ее была большой утратой для Д'Аламбера. В отношении к дю Деффан он был значительно сдержаннее. Все его письма к последней отличаются какою-то деловитостью; когда дю Деффан открывает ему свою душу, говорит о своей грусти и так далее, он почтительно и осторожно набрасывает покрывало на ее откровенность. В одном из своих писем он с удовольствием сообщает дю Деффан, что прусский король говорит о ней с большим уважением, с восторгом вспоминает ее остроты. И сам Д'Аламбер, посылая ей свои сочинения, неизменно интересовался знать ее мнение, которое он, по-видимому, ценил. Во всем этом просвечивают те добрые отношения, которые возможно поддерживать одновременно с весьма многими. Писем дю Деффан сравнительно немного, но все они более или менее проникнуты чувством; в ответ на сдержанное, чуть тепленькое письмо Д'Аламбера она пишет, что оно напомнило ей золотое время их дружбы, вызвало нежные чувства и совершенно ее осчастливило. Ничего подобного не встречаем мы в отношениях Жоффрен к Д'Аламберу и к другим ее друзьям. Она их не опекает, ничего им не навязывает, хотя незаметно держит в руках и придает своему салону тот характер, какой желает. Может быть, в своем детстве Жоффрен была увлекающейся девочкой, но впоследствии она, можно сказать, боялась увлечений как огня и, вероятно, сделалась окончательно к ним неспособной, если могла холодно, как говорят, обрывать Дидро, о котором все современники говорили, что обаяние его пламенного красноречия было неотразимо: Дидро говорил замечательно образно, и образы эти были самые причудливые, самые неожиданные; речь его всегда была насквозь проникнута искренним чувством, которое так хорошо передавалось его гармоничным задушевым голосом и оживленным выражением прекрасного лица. И к нему-то чаще, чем к кому-нибудь, относилось известное «хорошо, хорошо, довольно» госпожи Жоффрен. Часто после

обедов у Жоффрен ее гости уходили в Тюильри, садились на траву вокруг большого дерева и отводили душу в разговорах, свободных, как ветер, развевавший их волосы, а на другой день опять охотно являлись к «матери всех философов» и подчинялись ее порядкам.

Из всех женщин, устраивавших в то время салоны, Жоффрен бесспорно была самой нравственной. Она не любила своего мужа, но не искала утешения в обыкновенном женском кокетстве и не заводила никаких интриг, так сильно распространенных в то время. У нее были свои правила, которых она неизменно держалась, свои умственные интересы и благородное честолюбие собирать около себя даровитых людей, быть им полезной и чувствовать, что она для них имеет значение.

Для того чтобы внушать уважение, говорила Жоффрен, необходимо иметь представительную внешность, держаться прямо и одеваться просто, но изящно. Особа, обладающая этими преимуществами, застрахована от многих неприятностей; никто не решится говорить о ней дурно, не имея очень веских на то оснований. Из отзывов современников видно, что у Жоффрен дело не расходилось со словами. Дидро говорил: «Я всегда с удовольствием останавливаю свое внимание на манере этой женщины одеваться; в ее вкусе так много простоты и благородства; сегодня, например, на ней темное платье с широкими рукавами, грациозного покроя, воротничок самой ослепительной белизны из чрезвычайно тонкого батиста, и все это так тщательно сшито, так прекрасно на ней сидит». Такою же изысканностью Жоффрен отличалась и в обращении с окружающими, в том числе с посетителями своего салона; она, как мы видим, не позволяла им забываться у себя. Заметив, что спор заходит слишком далеко, она останавливала своих гостей словами: «Хорошо, хорошо, довольно». Всякое резкое слово или крайнее мнение доставляло ей страдание; особенно трудно ей бывало иногда сдерживать пылкого Дидро, который, как известно, увлекаясь разговором, забывался до того, что толкал локтем даже такую собеседницу, как Екатерина II. Однако, в конце концов ей удавалось придать своему салону такой характер, какого она желала. Граф Сегюр описывает ее салон следующим образом: «В этих разговорах, отличавшихся то глубиной, то легкостью, всегда поучительных и приятных, поражало соединение

простоты с возвышенностью, грации с умом, критики с терпимостью. В этих беседах нечувствительно можно было научиться истории и политике и досыта наслушаться веселых остроумных анекдотов».

С годами Жоффрен не утратила своей привлекательности; она говорила сама: «Мои лета и мои вкусы идут нога в ногу, как лошади, запряженные парой».

В молодости она была знакома с госпожой Тансен, матерью Д'Аламбера, и заимствовала у нее некоторые обычаи. Так, на Новый год она посылала гостям своим подарки: беднейшим – принадлежности туалета, которые были необходимы для посещений ее же салона; многие получали серебряные вещи, некоторые – деньги; Мармонтелю она давала даровую квартиру; он говорит о ней в своих мемуарах между прочим следующее: «Это был своеобразный характер, который трудно изобразить, потому что он весь состоит из каких-то неопределенных оттенков... Она была добра, но не чересчур чувствительна; делала много добра, но без всякого увлечения; всегда спешила на помощь к несчастным, но не желала пускать их к себе на глаза; отличалась простотою вкуса во всем – и в одежде, и в обстановке, но простота эта была самая изысканная; она держала себя в высшей степени скромно, но в глубине души была очень горда и хорошо знала себе цену». Последнему нетрудно поверить, потому что салон г-жи Жоффрен считался учреждением, имевшим огромное влияние на политику и литературу.

У этой матери многих философов была одна только дочь, совершенно не разделявшая взглядов и убеждений своей родительницы. Жоффрен говорила о своей дочери: «Когда я на нее смотрю, то мне кажется, что я высидела какого-то утенка – так мало в ней моего». Эта дочь ненавидела всех свободомыслящих друзей своей матери, в том числе и Д'Аламбера. В последний год жизни госпожи Жоффрен она воспользовалась слабостью матери и не давала Д'Аламберу возможности ее видеть. Это было большим горем для Д'Аламбера.

Существование салонов, в которых связующим звеном являлась женщина, было тогда чем-то существенно необходимым для всех мыслящих людей во Франции. В 1749 году, после смерти г-жи Тансен, чувствовался большой недостаток в салоне, и все с

радостью приветствовали вновь открытый салон Жоффрен. Один из ее постоянных посетителей, Галиани, писал из Италии: «Я устроил здесь уголок Парижа: Глейхен, генерал Кок, секретарь французского посольства, и я обедаем вместе и разыгрываем Париж так, как играют Мольера на ярмарке; но скоро наши пятницы обратятся в чисто неаполитанские, если мы не найдем женщины, которая сделалась бы душою нашего общества и нас, так сказать, жоффренизировала. Трудно определить, в чем именно заключалось последнее, но ясно, что оно необходимо».

Жоффрен была, как мы сказали, несчастна в своей семейной жизни и, не любя мужа, не имевшего никаких умственных интересов, искала в салоне того, чего ей не хватало в семье, – умственного общения с мыслящими людьми. Она постоянно сидела у себя и принимала всех запросто в своем удобно устроенном доме, где не допускалось, однако, никакой роскоши. Комнаты у нее были высокие, просторные, хорошо натопленные, ярко освещенные. Роскошь пугает небогатых людей, стесняет их, а удобства влекут; хороший суп, прекрасно изжаренная курица, хорошо приправленное блюдо зелени – вот и весь ужин ее гостей. Все это, конечно, предназначалось для людей неизбалованных, но таких, которые ценили удобства и не привыкли жить кое-как; такими гостями и были даровитые молодые ученые, будущие знаменитости. Д'Аламбер, может быть, более, чем какой-нибудь другой ученый, нуждался в умственном общении с женщинами; мы видели это из отношений его с Жоффрен, с дю Деффан и с Леспинас.

Д'Аламбер говорил о себе, что он любит очень немногих, но друзей у него, как видно, было довольно много. Впрочем, первое нисколько не противоречит второму, если хорошенько всмотреться в характер Д'Аламбера. Разнообразные склонности Д'Аламбера заставляли его симпатизировать многим, а нравственная требовательность породила известную долю брезгливости и мешала жить с людьми, которые ему нравились, душа в душу. Такова, например, была дружба его с Вольтером. Д'Аламбер высоко ценил Вольтера, и многие качества последнего были ему симпатичны, но безнравственность Вольтера приводила его в ужас; он цепенел, когда, например, до него доходили слухи о разных проделках знаменитого философа.

В одном из писем своих к дю Деффан Д'Аламбер говорит о Вольтере: «Все, что вы слышали о Вольтере дурного, – сущая правда; он окончательно вывел из себя прусского короля своими низкими поступками относительно несчастного Мопертюи; король сказал ему: я не выгоняю вас вон из своего государства только лишь потому, что я сам вас сюда пригласил, и не отнимаю у вас пенсии, потому что она была мною назначена, но я запрещаю вам показываться ко мне на глаза. Вольтер теперь самый несчастный человек на свете». В этом отрывке, по нашему мнению, хорошо выражается отношение Д'Аламбера к низостям Вольтера; он как будто не находит слов для выражения негодования (всё будет недостаточно сильно) и называет его только несчастным.

Д'Аламбер, бесспорно, не принадлежал к числу людей, у которых влечение к науке заглушает все остальные чувства; он находил время и охоту оказывать внимание всякому человеческому горю. Раз как-то к нему пришел молодой человек, несчастно влюбленный. Д'Аламбер в то время занимал маленькую комнату в доме своей кормилицы; увидя растерянное выражение лица молодого человека, Д'Аламбер, усадив его, стремительно отворил двойную дверь своей комнаты и крикнул кормилице: «Мадам Руссо, если кто придет, скажите, что я не могу принять»; затем подошел к молодому человеку, обнял его и спросил с нежным участием: «Расскажите, что с вами?» И все это, по словам молодого человека, было делом одного мгновенья. Философ советовал влюбленному как можно реже оставаться одному, просил заходить к нему, когда тому станет слишком грустно, и обещал его развлекать.

Сострадание и отзывчивость к чужому горю были в высшей степени свойственны Д'Аламберу, но это ему не мешало весьма часто чувствовать глубокое недовольство людьми; в одном из своих писем к госпоже дю Деффан он говорит: «Прусский король помирился с Вольтером, и Мопертюи снова в немилости. Боже мой, как безумны все люди, начиная с самых мудрых из них». Д'Аламбер считал всякую безнравственность умоисступлением – безумием.

Кормилица Д'Аламбера, простая и добродушная госпожа Руссо, хорошо знала душу своего воспитанника; она считала его добряком, но вместе с тем большим чудаком и часто ему говаривала, смеясь: «Нет, уж, видно, вы всю свою жизнь проживете философом».

Д'Аламбер попросил ее как-то раз объяснить ему, что именно понимает она под словом «философ». И госпожа Руссо чистосердечно ему ответила: «Философ – это такой странный человек, который лишает себя при жизни всего, работает как вол с утра до вечера, и все для того только, чтобы о нем говорили после его смерти». Так понимала госпожа Руссо стремления своего гениального воспитанника. Посмотрим, был ли Д'Аламбер действительно таким философом. Госпожа Руссо, конечно, не могла понять, что Д'Аламбер находил наслаждение в своем труде; она видела, что труд этот не давал ему никаких земных благ, и ей оставалось только думать, что он надеялся на славу после смерти.

И все это госпожа Руссо говорила Д'Аламберу в то время, когда он пользовался уже огромной славой. Из этого видно, до какой степени Д'Аламбер был прост со всеми, если даже женщина, заменявшая ему мать, не подозревала, какой великий человек живет с ней под одною крышей. Она, по всей вероятности, очень часто с грустью смотрела на своего «философа», думая, не напрасно ли он так трудится, будут ли еще говорить о нем после его смерти? Такое отношение кормилицы очень забавляло Д'Аламбера; он так часто и так искренно смеялся, когда она наивно высказывала ему нечто подобное.

Он не расставался со своей кормилицей до тех пор, пока врачи не настояли на том, чтобы он переменял квартиру. Но и переехав, он часто заходил к ней и по-прежнему принимал участие во всех ее горестях и радостях. Д'Аламбер глубоко ценил в своей кормилице также и то, что он сам был для нее дороже всего на свете.

Потребность в этой исключительной привязанности постоянно жила в его сердце. Потеряв госпожу Леспинас, он не держался уже за эту привязанность, но был неутешен до самой своей смерти. Он не скрывал своего горя, говоря: «Сама природа послала человеку для облегчения страданий возможность проявлять их слезами и стонами; зачем же отказываться от этого последнего блага? Не будем удерживать ни слез, ни жалоб». Душевное горе Д'Аламбера было так велико, что он спокойно встретил смерть и бодро переносил физические страдания; он умер 29 октября 1783 года от очень мучительной болезни.

Мы видели Д'Аламбера в простых человеческих отношениях с

простыми смертными; рассмотрим теперь его отношения к людям власти.

Глава III

Д'Аламбер и Фридрих, король прусский. – Екатерина II. – Суждение Д'Аламбера о шведской королеве Христине. – Речь в присутствии короля Дании

В жизни великих заслуживают внимания их отношения с людьми, занимающими высокое общественное положение, потому что в этих отношениях проявляются особенности, имеющие большое значение при оценке их личности. Это замечание применимо к Д'Аламберу особенно потому, что он был замечен двумя великими своими современниками – Фридрихом, королем прусским, и русской императрицей Екатериной II.

Фридрих Великий был известен своею склонностью к философии, Екатерина II – тоже. Может быть, эта склонность обуславливалась и общими причинами: и Фридрих, и Екатерина в молодости своей были несчастливы, и философия служила им утешением. Во время долгого царствования Елизаветы Петровны Екатерина обречена была на полнейшее бездействие и усердно занималась философией, но потом государыне некогда было философствовать, хотя она и сохранила на всю жизнь, так сказать, платоническую любовь к философии и к философам. Что касается короля прусского, то он всю жизнь стремился выработать философские воззрения на жизнь, отвечающие его идеалу; он нашел их в философии Вольтера, которого и называл своим земным богом.

Д'Аламбер в одном из писем к Вольтеру высказывает следующим образом отношение свое к сильным мира сего: «Я предпочитаю свидетельствовать им мое почтение *издали*, отдаю им должное и уважаю, насколько могу». Все частности отношений Д'Аламбера к королю прусскому и к русской императрице представляют только подробное развитие того, что так сжато и выразительно он высказал в письме своем к Вольтеру.

Знакомство Фридриха с Д'Аламбером произошло следующим

образом. В 1745 году Д'Аламбер представил Берлинской Академии наук мемуар «О причине ветров», замечательный по своему содержанию; эпиграф этого мемуара заключал в себе какую-то ничтожную, но умно и сердечно выраженную похвалу государю-покровителю наук и искусств. Мемуар вызвал восторг берлинских академиков и заслужил премию, а эпиграф обратил на себя внимание короля. В 1752 году Фридрих предложил Д'Аламберу место президента Академии наук. Д'Аламбер был человек бедный, но независимый; распределители наград и субсидий во Франции никогда не были к нему расположены, и в будущем судьба его в этом отношении никогда не могла измениться к лучшему. Несмотря на все это, он не задумался тотчас же отказаться от предлагаемого ему почетного и выгодного места. Фридрих удвоил свои просьбы – философ остался непреклонным. Д'Аламбер в письмах своих к королю и к посреднику между ними, маркизу Даржансу, так искренно и ясно мотивирует свой отказ, а причины отказа так хорошо характеризуют его личность, что мы позволим себе привести несколько выдержек из этих писем. В одном из них Д'Аламбер описывает свое положение на родине; оно, по его словам, таково, что другой не задумался бы променять его и на менее выгодное и блестящее место, чем положение президента Академии. «Состояние мое, – пишет он, – самое ничтожное: 425 рублей составляют весь мой годовой доход. Я совершенно свободен и, не имея семьи, могу как угодно располагать собою. Я забыт правительством, на мою долю не выпадают награды, которые так и сыплются на других ученых и писателей. В будущем я могу только рассчитывать на ничтожную пенсию, но и этот расчет может оказаться неверным, потому что французский двор расположен ко мне далеко не так хорошо, как прусский. Несмотря на все это, душевное спокойствие мое так велико, так невозмутимо и так сладостно, что я не в состоянии подвергнуть его ни малейшему риску. Лишения с детства приучили меня довольствоваться малым; и то немногое, чем я располагаю, я готов разделить с добрыми, честными людьми, которые беднее меня. В молодости своей я одно время желал видного положения и богатства, но когда я увидел, чем надо пожертвовать, чтобы достигнуть того и другого, то навсегда отказался от всяких к ним стремлений, и это решение приносит мне

с каждым днем все более и более спокойствия. Уединенная, бедная жизнь совершенно отвечает моему характеру, моей страстной любви к независимости, моему желанию стоять в стороне от людей и большого света. Замкнутый, правильный, скромный образ жизни, предписываемый мне самым моим положением, благотворно действует на мое здоровье; я пользуюсь им неизменно, и оно не оставляет желать ничего лучшего; это истинное благо для философа. Наконец, я имею счастье соединять около себя друзей, дающих мне утешение и радость в жизни. Посудите сами, милостивый государь, в состоянии ли я пожертвовать всем этим и променять свое малое, но истинное счастье на положение шаткое, как бы оно ни было заманчиво и блестяще. Я вполне верю в добрые намерения государя и в его желание сделать все возможное для того, чтобы мое новое положение меня удовлетворяло; но, к моему горю, условия моего счастья не находятся в руках короля. К тому же климат Берлина и Потсдама может оказаться мне вредным; если же здоровье мое, от природы некрепкое, мне изменит, то я не в состоянии буду даже как следует исполнять свои обязанности.

Ко всем высказанным причинам я могу присоединить еще одну. Я ничем не обязан правительству Франции; могу от него ждать для себя в будущем много дурного и ничего хорошего; но у меня существуют обязанности относительно моего отечества, моей родины; последняя всегда была ко мне благосклонна, признавала мои достоинства, награждала мои старания. С моей стороны было бы в высшей степени неблагодарно оставить такую родину.

Государю самому знакомы все эти чувства, у него также есть дорогие ему друзья; он меня поймет и простит мне мое упорство».

Далее Д'Аламбер говорит о том серьезном труде, который они предприняли вместе с Дидро, – речь идет об издании «Энциклопедии».

Отказ Д'Аламбера очень огорчил Фридриха Великого, но уважение короля к философу и ученому только увеличилось; король через своего посланника известил Д'Аламбера, что назначает ему пенсию в 300 рублей.

Людовик XV терпеть не мог короля прусского; насмешки Фридриха глубоко его уязвляли... Но однажды он вошел к госпоже Помпадур с официальной бумагой в руках и сказал ей очень

серьезно:

– Однако же король прусский действительно великий человек; он любит талантливых людей и, как Людовик XIV, стремится осыпать благодеяниями ученых всех национальностей. Вот смотрите, – прибавил он, – письмо короля к посланнику, в котором он назначает пенсию одному замечательному человеку из моих подданных.

И в доказательство Людовик XV прочитал вслух следующие строки: «В Париже живет один из достойнейших в мире людей, средства которого значительно ниже его заслуг и талантов. Я желал бы служить зрячими глазами слепой богине и хоть отчасти исправить ее ошибки. Я ласкаю себя надеждой, что он примет от меня эту пенсию, доставит мне удовольствие быть полезным человеку, соединяющему возвышенную прелесть характера с самыми превосходными талантами». На этом Людовик XV остановился. Госпожа Помпадур засмеялась: «Велика награда достойнейшему!» – и посоветовала королю назначить Д'Аламберу вдвое большую пенсию и запретить принимать благодеяния короля прусского. Но Людовик XV на этот раз не последовал ее совету; он разрешил Д'Аламберу принять пенсию от короля прусского; от себя же ничего ему не дал.

В 1762 году Д'Аламбер, по настоятельной просьбе Фридриха, решился наконец предпринять путешествие в Берлин. Он выбрал время, когда король написал философу: «Теперь я хочу пожить спокойно и отдаться своим музам; я совершенно занят мыслью, как бы исправить несчастные последствия войны, которые глубоко меня огорчают». Д'Аламбер верил в искренность этих слов и относился к королю просто как к своему умному, великодушному, искреннему другу. Два месяца Д'Аламбер пробыл в Берлине в обществе Фридриха, в котором нашел много выстраданного, теплого, сердечного, не похожего на тонкую вежливость вельможи или обыкновенную снисходительность короля. Д'Аламбер чувствовал себя в Берлине совершенно свободно, говорил что думал, не заботясь об этикете, даже не имея о нем понятия. Он писал госпоже Леспинас: «Не надейтесь, чтобы я, по возвращении своем, оставил привычку школьничать или научился бы лучше держать себя за обедом. Король на все это не обращает никакого внимания».

Фридриху очень не хотелось расставаться с Д'Аламбером;

настойчиво и горячо просил он философа сжалиться над его бедной сироткой, Академией наук. Они вместе отправились в Шарлотенбург, осмотрели Академию, а потом вечером король спросил Д'Аламбера: что подсказывает ему его сердце? Д'Аламбер просил короля увеличить пенсию великому Эйлеру; последний, обремененный большим семейством, думал уже снова переселиться в Петербург. Улучшение положения Эйлера доставило большую радость Д'Аламберу. Он удивлялся трудам этого глубокого математика, восторгался им и писал в Париж: «Великий Эйлер угостил меня в Академии своим мемуаром о геометрии и обещал дать мне его прочитать домой». Несмотря на все это, между Д'Аламбером и Эйлером не было не только дружбы, но и поверхностной симпатии друг к другу.

Из переписки Д'Аламбера с Фридрихом видно, что первый неустанно заботился об участии талантливых людей, пробивавших себе дорогу.

Личная симпатия Д'Аламбера к прусскому королю не могла изменить его твердого решения не оставлять своих друзей и своего отечества. В то время, когда Д'Аламбер подвергся гонению за свое отношение к иезуитам, Фридрих напомнил ему, что в Берлине он будет всегда принят с распростертыми объятиями. Однако для себя лично Д'Аламбер всего только раз обратился с просьбою к Фридриху. Это случилось, когда ему изменило здоровье и для восстановления сил оказалась необходима поездка в Италию. В то время госпожа Леспинас писала Кондорсе: «Обращаюсь к Вашей помощи, милостивый государь! Наш общий друг Д'Аламбер находится в самом отчаянном положении; силы ему изменяют; его с трудом можно заставить принимать пищу. Но самое неутешительное то, что им совершенно овладела меланхолия и очень глубокая душа его переполнена горестью и печалью; он ко всему на свете стал относиться безразлично-апатично. Он погибнет, если мы силою не вырвем его из того положения, в котором он находится. Ему необходимо уехать за границу».

И друзья, и врачи Д'Аламбера настаивали на его отъезде, в котором все видели единственное спасение. Материальное положение Д'Аламбера исключало возможность такого расхода; тогда он обратился к Фридриху и написал в Берлин: «Здоровье мое с

каждым днем все увядает: врачи гонят меня в Италию, а неимение средств удерживает меня во Франции; мне необходима сумма в две тысячи ливров (500 рублей); я беру на себя смелость просить ее у Вашего Величества». Фридрих отвечал ему: «Мой милый Д'Аламбер! Я очень рад, что Вы доставляете случай королю оказать помощь философу». К этому письму было приложено 1500 рублей. Д'Аламбер уехал из Парижа; он и Кондорсе оба съехались в Фернее и дальше не поехали. Здоровье Д'Аламбера несколько улучшилось, но он чувствовал себя вполне несчастным вдали от той, которая так прекрасно обходилась без него. Д'Аламбер вместе с Кондорсе вернулся в Париж, далеко не истратив присланных ему королем денег; он хотел было возвратить королю оставшиеся, но Фридрих ему отвечал: «Пожалуйста, ни слова со мной о финансах; мне и без того здесь о них протрубили уши, и я, как Пилат, говорю Вам: то, что раз написано, то написано». В таких случаях, но только в таких, Фридрих позволял себе говорить тоном, не допускающим возражений.

Через шесть лет после этого Д'Аламбер был в отчаянии, похоронив госпожу Леспинас; его печаль сделалась известна всей Европе. Фридрих, утешая своего друга-философа, писал ему длинные письма; он перепробовал все средства, но не достиг своей цели и как-то раз, желая во что бы то ни стало развлечь Д'Аламбера, заговорил с ним в веселом, шутовском тоне. Д'Аламбер тотчас ответил королю; он обнаружил такую безграничную, глубокую печаль и такие неизлечимые раны сердца, что король содрогнулся, видя, как неосторожно он коснулся этих чувствительных ран. Тотчас он написал философу, искренно извиняясь в своей неосторожности: «Мой милый Д'Аламбер! Сам не знаю, как мог я заговорить в шутовском тоне о Вашей горе; сегодня я получил письмо Ваше и глубоко раскаиваюсь». Таково было отношение Фридриха к Д'Аламберу.

Мы познакомили читателя с фактической стороной этой дружбы; но понятной она может стать лишь при ближайшем знакомстве с замечательной личностью короля прусского.

Фридрих по природе своей создан был, чтобы мыслить и страдать, но обязанности государя поглощали все его время; он был невольным дилетантом в науке, в литературе, в музыке. В области

мысли ему доступнее других была философия, потому что имела большее отношение к жизни и не требовала таких специальных знаний, как математика. Мы уже говорили, что образ мыслей Вольтера был наиболее симпатичен Фридриху; Вольтера он боготворил как философа, но болел душой о его нравственной испорченности. Из писем Фридриха видно, что он глубоко страдал от двойственности своих отношений к Вольтеру, который очень часто попирали ногами нежную дружбу короля и отвечал насмешкою на поклонение своему таланту.

Можно себе представить, что согласие ума и сердца в Д'Аламбере больше всего привлекало к нему симпатии короля; это видно также из приведенных здесь его писем. Не зная математики, король не мог оценить великих заслуг Д'Аламбера в этой области; как философа он высоко ценил его, но ставил ниже Вольтера. Д'Аламбер знал это и нисколько не обижался; отсутствие зависти и тщеславия были, как он сам говорил, отличительными чертами его характера. Фридрих Великий вообще отдавал предпочтение философам перед математиками. Д'Аламбера он ставил выше Эйлера, потому что последний никогда не занимался философией, и первому приходилось, так сказать, заступаться не раз за второго, слишком мало ценимого Фридрихом; в великом Эйлере король видел только докучливого слепого старика, обремененного огромным семейством, который все просил о помощи и собирался в Россию.

Наконец Эйлер уехал; Д'Аламбер предлагал Фридриху пригласить на его место молодого Лагранжа. «Мне все равно, – отвечал ему Фридрих, – во всяком случае я рад променять слепого на зрячего». В этом ответе сказывается полнейшее равнодушие к математике и к математикам. Однако Лагранж не поехал в Берлин; точно так же поступил и Лаплас. Впрочем, такое отношение Фридриха к Эйлеру объясняется еще тем, что государь признавал только французскую науку и философию, несмотря на то, что современником и подданным его был Иммануил Кант.

Сношения Д'Аламбера с императрицею Екатериной были более официальные, менее дружественные, но и они во многом представляют большой интерес, особенно для нас, русских. Императрица желала поручить Д'Аламберу воспитание своего

единственного сына, цесаревича Павла Петровича. В 1762 году, перед поездкой в Берлин, Д'Аламбер получил от Одара, библиотекаря императрицы Екатерины, письмо, в котором последний излагал ему просьбу императрицы, свидетельствующую о всеобщем уважении к Д'Аламберу в отдаленном от Франции государстве; в письме говорилось о необыкновенных качествах ума и сердца Екатерины II. Д'Аламбер отказался и от этой чести, мотивируя свой отказ приблизительно известными уже нам причинами. Он отвечал Одару тоже в трогательном и почтительном тоне, но очень решительно. Великий ученый говорил о своем незнании людей и жизни, о сложности и трудности обязанностей воспитателя будущего повелителя такого обширного государства, как Россия, и так далее. Нисколько не умаляя талантов и достоинств Д'Аламбера, мы вполне соглашаемся с его мнением, что человек, живущий такою замкнутою жизнью, не способен к роли воспитателя наследника престола. Но Екатерина II не хотела отказаться от мысли склонить Д'Аламбера приехать в Петербург. Бескорыстие истинного философа, искренние, возвышенные чувства, прекрасно проявившиеся в его ответе, произвели и в Петербурге сильное впечатление; императрица назначила Д'Аламберу пенсию значительно выше получаемой им от Фридриха Великого и написала то знаменитое письмо, которое пользуется столь большою известностью и украшает все хрестоматии. Императрица, увидев, что Д'Аламбера не привлекают ни почести, ни деньги, казалось, выбрала более верный путь к его сердцу. В письме своем она говорит: «Вся Ваша философия основана на гуманных началах; Вы противоречите этим началам, отказываясь воспитать наследника русского престола так, чтобы он мог осчастливить миллионы подвластных ему людей». Но Д'Аламбер, напротив, был убежден, что он не в состоянии выполнить как следует столь сложной обязанности; поэтому слова императрицы не произвели на него желанного впечатления. Императрица сразу почувствовала, что ей, может быть впервые, приходится иметь дело с человеком, которого, как говорится, ничем не заманишь; это ее удивляло и неприятно раздражало. Удачи и счастье внушили ей мысль, что каждое ее желание должно и может быть исполнено, и она смотрела очень легко на устранение всех препятствий. Одной из причин, мешавших

Д'Аламберу принять ее предложение, было его нежелание расстаться с друзьями; все это в ее глазах были сущие пустяки: пусть заберет всех своих друзей и приедет в Россию вместе с ними; всем им она устроит удобную и приятную жизнь. Но Д'Аламбер почтительно и мягко дал ей понять, что у людей, живущих умственными и нравственными интересами, многое и, может быть, главное в жизни не в руках сильных мира сего; он писал: «Я и друзья мои не имеем сил оставить навсегда свою родину, сложить с себя обязанности относительно своего народа, хотя положение наше здесь не блестяще и нам приходится выносить многое».

Все те нравственные качества Д'Аламбера, которые так сблизили его с Фридрихом, производили, как мы сказали, неприятное впечатление на нашу императрицу. Несмотря на это, внешне она относилась к Д'Аламберу так же, как Фридрих; она переписывалась с философом и осыпала его милостями, желая, как говорил Д'Аламбер, подавить его своим великодушием. Во всем этом легко убедиться, если сравнить письма императрицы к Вольтеру и Гримму с письмами к Д'Аламберу; последние отличаются некоторой сухостью и скрытым недовольством. Императрица сама это чувствовала и говорила: Фридрих оттого мягче ее отнесся к отказу философа, что интересы Академии наук не так близки сердцу, как вопросы воспитания сына; у прусского короля не было наследника.

Известный французский математик Бертран, автор новейшей биографии Д'Аламбера, говорит: трудно назвать другого человека, который бы соединял в себе такой многосторонний, тонкий и сложный ум с таким чистым и простым сердцем; истинное понимание разнообразной умственной деятельности Д'Аламбера требует многих трудов и усилий, но его симпатии, антипатии, вообще все его чувства, взгляды на жизнь, мнения и убеждения видны как на ладони. Он всегда говорил все, что чувствовал, не мог понять, как могут другие лицемерить, и все, что ему говорили, принимал за чистую монету. Письма Екатерины II приводили его в восторг; одно из них он передал в Академию наук, чтобы сохранить для потомства. Императрица писала ему о предпринимаемых реформах в духе свободы и веротерпимости, о своей любви к философии. Д'Аламбер послал императрице свои новые сочинения, просил прочитать их

внимательно, высказать свое мнение, дать ему советы и с трогательной наивностью ожидал того и другого. Не скоро он дождался письма от Екатерины; когда же оно пришло, в нем оказались самые отборные, блестящие комплименты и ничего больше. Горько обманутый в своих ожиданиях, Д'Аламбер откровенно написал императрице, что Фридрих Великий благосклоннее отнесся к его сочинениям; он нашел в них много недостатков и откровенно указал на них автору; эти указания были чрезвычайно ценны; они вызвали много новых мыслей, и благодаря им возникло даже новое сочинение. Императрице эта наивность наконец наскучила; она заметила Д'Аламберу, что для обстоятельной критики надо время, она же может только, как пчела, собирать мед и употреблять его в дело. Она *вкушает* всю прелесть философии, прилагает ее к своему правлению, и, только когда есть досуг, она пишет, – недавно вот набросала один философский трактат, который обещает прислать Д'Аламберу, однако почему-то не посылает. Д'Аламбер, сильно заинтересованный трактатом, наивно и бесцеремонно спрашивается о нем в каждом письме. Императрица поняла, что Д'Аламбер невыносим и неисправим, и переписка их мало-помалу прекратилась. Когда Д'Аламбера спрашивали о его сношениях с русской императрицей, он с грустью говорил, что давно уже не переписывается с нею... Однако, как видно, он сохранил в душе своей светлое воспоминание о ее личности, потому что взял на себя смелость обратиться к ней с очень щекотливую просьбой. Во время польской войны несколько французов, отличившихся при осаде Кракова, были взяты русскими в плен. Во Франции ходили самые баснословные слухи об их несчастной участи в России; говорили, что их заковали в кандалы, сослали в Сибирь и так далее. Родные и друзья этих талантливых молодых людей обратились к Д'Аламберу с просьбой заступиться за них перед русской императрицей; философ написал трогательное письмо, которое императрица в ответе своем называет «прекрасным». Екатерина II милостиво сообщает философу, что его соотечественники не в кандалах, не в Сибири, а на свободе в Киеве, но наотрез отказывается позволить им возвратиться во Францию; она дает понять философу, что напрасно он позволяет себе вмешиваться в такие дела. Но пылкий и неугомонный Д'Аламбер вторично

обратился к императрице с тою же усиленной просьбой. Это окончательно вывело из себя Екатерину; она отправила философу такое письмо, после которого он не осмелился ей больше писать. В нем она пишет Д'Аламберу: «Я получила второе письмо, написанное Вашей рукою; в нем повторяете Вы буквально все содержание первого письма...», и так далее.

В 1782 году наследник русского престола, в бытность свою в Париже посетив Д'Аламбера, выразил ему свое уважение и глубокое сожаление о том, что не исполнилось заветное желание его матери поручить его воспитание такому философу, как Д'Аламбер. Прощаясь с Д'Аламбером, Павел I сказал ему не без грусти: «Вы поймете, милостивый государь, как глубоко я сожалею, что мне не суждено было познакомиться с Вами ранее».

Этот упрек не смутил Д'Аламбера: он не сомневался, что не был способен как следует воспитать будущего царя.

Мы насколько возможно выяснили характер личных отношений Д'Аламбера с двумя его великими современниками. Здесь также вполне уместно познакомиться с его суждениями о королеве Христине и об отношении к ней Декарта, высказанными в сочинении «*Reflexions sur Christine, reine de Suede*» («Размышления о Христине, королеве Швеции»). Эти размышления о философе Декарте в значительной мере влияли на его собственное отношение к королю прусскому и Екатерине II.

Д'Аламбер начал с того, что постарался отдать дань справедливости хорошим качествам Христины; признал, что она обладала прекрасными умственными способностями, умела понимать и ценить людей. Что касается внешности Христины, ее стремления подражать мужчинам, так остроумно осмеянных Шером, то Д'Аламбер не обратил на них ни малейшего внимания. Он раз только упомянул о ее манере странно одеваться, говоря, что это, вероятно, было причиною неуспеха шведской королевы при французском дворе. Но в этом он больше винит мелочность французского двора, чем поведение Христины. «Немудрено, – говорит он, – что Христина не понравилась французам, если сам Петр Великий не произвел впечатления во Франции. Когда этот государь в 1717 году посетил Париж, то всем бросилось в глаза то, что он одевается, ест и пьет не так, как мы, парижане, и никому не

приходило в голову удивляться тому, что великий монарх на время оставил власть и поехал учиться в чужие края, желая лучше выполнить свое великое назначение».

Говоря о воспитании Христины в детстве, Д'Аламбер останавливает свое внимание на том, что в нем было существенного, и указывает на недостатки как в ее образовании, так и в воспитании. Он находит, что напрасно Христину так много учили древним языкам; лучше было бы больше знакомить ее с окружающей действительностью. В нравственном же отношении, по мнению Д'Аламбера, на характере Христины вредно сказалось стремление ее приближенных подорвать в ней доверие к людям.

Отношения Декарта к королеве Швеции подверглись также строгой и беспристрастной критике Д'Аламбера. Он осуждает переселение Декарта в Стокгольм и объясняет его тем, что Декарт стремился к *скорейшему* распространению своей философии; последнее же он считает чем-то искусственным. Он говорит: «Истины распространяются между людьми постепенно, ими не следует озадачивать людей, навязывая их им сразу». Такое же нетерпение обнаруживает Декарт в занятиях с Христиной, открыто выражая ей свое неудовольствие из-за предпочтения, отдаваемого древним языкам перед философией. Он ворчал: «Скоро Швецией будет управлять сама грамматика».

Христина, надо отдать ей справедливость, оставила после себя много красивых фраз. Эти фразы, конечно, не могли подкупить Д'Аламбера. Цитируя слова Христины, что лучшее ее воспоминание есть то добро, которое она сделала своим подданным, Д'Аламбер замечает: «Если так отрадно ей было делать добро, то зачем же она отказалась от престола». Д'Аламбер также глубоко возмущался тем, что Христина, восторгаясь художественными произведениями и приобретая их, часто не платила денег и тем ставила художников в безвыходное положение.

После тщательного изучения биографии Христины и оставленных ею сочинений Д'Аламбер выносит о ней следующее строго обдуманное и беспристрастное суждение: «Если мы оставим без внимания бесконечное множество панегириков, написанных и стихами, и прозой в честь королевы Христины, но устремим свой взгляд на то, что уцелело от нее самой, то есть на произведения ее

ума и таланта, то мы увидим, что наследство, оставленное нам ею, очень незначительно. Сочинение ее, известное под названием „Pensées diverses“ („Мысли о разных предметах“), не только не заключает в себе философских обобщений, но отличается непоследовательностью, составлявшей, как известно, отличительное свойство ее характера. Что касается другого сочинения, „Похвала Александру Великому“, то о нем можно только сказать, что королева этого великого монарха весьма хвалила. Но полезнее, чем хвалить Александра, было бы подражать ему в стремлении к *истинной* славе и в настоящей любви к наукам и искусствам».

Д'Аламбер явился, таким образом, первым строгим судьей королевы Христины; до него все ее только превозносили; она всех подкупала кажущимися достоинствами ума; но Д'Аламбер первый заглянул в самую суть этой личности.

Это сочинение о Христине замечательно для нас в том отношении, что в нем соединились многие достоинства ума и характера Д'Аламбера и беспристрастное, спокойное исследование явления духовной жизни, проникнутое чувствами гуманности и справедливости, которые сквозят и в немногих замечаниях, приведенных нами здесь. Это сочинение, как мы говорили, имело важные последствия для самого Д'Аламбера. Уясняя отношения Декарта к королеве шведской, он определил и свое положение относительно августейших покровителей: философ понял, что ему не следует оставлять отечества; участь Декарта к тому же его пугала; Декарт не вынес сурового климата Швеции, и Д'Аламбер в письмах своих к Фридриху и к Екатерине II постоянно говорит: боюсь климата Берлина и Петербурга.

Д'Аламбер написал также остроумный и трогательный диалог между Декартом и Христиной, при встрече их *на Елисейских полях, через сто лет после смерти первого*. Декарт говорит королеве: «Вам хорошо известно, что и на земле князья и философы недолго бывают неразлучны. Если они стремятся друг к другу, то это влечение мимолетное: первым необходимо образование, вторые нуждаются в покровительстве; те и другие жаждут славы. Но здесь, в этой мирной обители, ни князьям, ни философам нечего желать и нечего ждать друг от друга; они сидят врозь по своим углам; это в

порядке вещей».

В конце диалога Декарт говорит: «На днях я здесь слышал от одного философа, что если бы он снова явился на землю и у него была бы полная горсть истин, то он сжал бы кулак и не выпустил бы ни одной из них. Мой собрат, сказал я ему, вы и правы, и нет: истины не следует держать в зажатой руке, но нельзя и разжимать руки разом, а постепенно, палец за пальцем, тогда не будет вреда ни воспринимающим истину, ни тем, кто ее проповедует».

В 1768 году 3 декабря Д'Аламбер в присутствии датского короля произнес речь в Академии наук. Встречали короля очень торжественно. Его величество вошел, занял свое место и пригласил сесть стоявших академиков; все они разместились соответственно своему званию около стола; в зале же расположилась свита короля и публика, желавшая взглянуть на своего гостя. Так как заседание имело торжественный, праздничный характер, то было также много дам. Когда водворился порядок, Д'Аламбер смело вошел на кафедру и начал так: «Милостивые государи! Философия, склонная избегать блеска и не выставляться напоказ, все же имеет некоторое право на уважение людей, потому что работает над их просвещением. Но скромность, ей неотъемлемо присущая, не позволяет ей о себе заявлять. Она сама по себе так нежна и настолько беззащитна, что для своего распространения нуждается в сильных покровителях. Во власти королей оказать эту услугу философии или, скорее, людям. Довольствуясь взорами мудреца, истина любит зарываться вместе с ним в уединение; но государь, убеждения и пример которого часто имеют для подданных большее значение, чем сама власть, может вывести на свет Божий скромную истину, дать ей место возле себя, на троне», и так далее.

Содержание речи вполне соответствовало ее блестящему поэтическому началу. Д'Аламбер отдал должное всем датским ученым, с особенным чувством остановился на деятельности Тихо Браге, с умилением говорил о научных исследованиях бесстрашных датских путешественников, изучивших далекие страны. Многие в этой речи относились к королю лично и могло принести ему пользу. Нам не известно, какое впечатление произвела эта речь на короля Дании, но мы знаем, что копия с этой речи попала в руки герцога Пармского; речь так ему понравилась, что он перевел ее сам и,

собственноручно переписав, послал Д'Аламберу, в рукописях которого уцелело письмо герцога: «Истины, высказанные вами, должны служить правилами для государей; я перевел их для того, чтобы они запечатлелись в моей душе... Эта речь доставила мне истинное удовольствие; она проникнута тем чувством гуманности, которое внушили мне в детстве. Я живо чувствую, какое благо для народа, если правитель обладает просвещенным умом. Я также сознаю, что уважение людей, призванных просвещать народы, способно облегчить тяжелый труд управления государством».

Мы привели это письмо потому, что оно служит опровержением высказанной Д'Аламбером устами мертвеца-Декарта мысли о том, будто королей и философов влечет друг к другу *одно* обоюдное тщеславие! Д'Аламбер, конечно, не мог равнодушно отнестись к преждевременной смерти своего великого соотечественника, потому и высказал в упомянутом диалоге много горького. Мы, со своей стороны, приходим к заключению, что философ не может и не должен находиться безотлучно при блестящем и шумном дворе, но двери его жилища должны быть открыты для правителя, который пожелал бы в беседах с ним отдохнуть от суеты мирской, и Д'Аламбер своим личным отношением к Фридриху только подтверждает высказанное нами.

Глава IV

Д'Аламбер – автор «Энциклопедии». – Деятельность Д'Аламбера во Французской Академии и в Академии наук. – Отношение Д'Аламбера к Лагранжу и Лапласу

Участие Д'Аламбера в издании знаменитой «Энциклопедии» XVIII века было весьма велико в количественном и в качественном отношении. Только один Дидро сделал больше его для «Энциклопедии». Вольтер, бывший также одним из деятельных сотрудников этого издания, писал Дидро и Д'Аламберу: «Прощайте, Атлет и Геркулес: вы оба держите на плечах своих целый мир. Пока во мне не иссякнет последняя капля жизни, я буду всегда к услугам знаменитых авторов энциклопедии».

Д'Аламбер написал «Введение к Энциклопедии», которое

составило эпоху в умственной жизни сначала Франции, а потом и всего образованного мира. Для того чтобы познакомиться с произведенным им впечатлением, мы приведем несколько отзывов о нем современников Д'Аламбера. «Потомство, – говорит один из них, – читая это введение, проникнется убеждением, что истинно гениальному человеку подвластны все науки; он может быть одновременно замечательным писателем, великим математиком, глубоким философом и со всеми редкими способностями соединять красоту, благородство, силу, изящность слога, которые придают всем его разнообразным трудам какую-то особенную привлекательность».

Другой замечательный человек своего времени говорит: «Введение в энциклопедию» принадлежит к числу таких ценных, выдающихся трудов, что в каждом веке не найдется более двух или трех человек, которые могли бы его выполнить».

В этом «Введении» мы находим историю появления и критический обзор всех существовавших в то время человеческих знаний; оно заключает в себе квинтэссенцию математики того времени, философских воззрений и литературных взглядов и состоит из двух частей: из подробного изложения того порядка, в котором возникали различные отрасли знания, и из исторической картины успехов его со времен эпохи Возрождения. Вторая часть, разумеется, написана лучше первой, потому что возникновение знаний покрыто мраком неизвестности, оно открывает обширное поле для более или менее остроумных догадок; приходится погружаться в область метафизики. Д'Аламбер старается по возможности осветить темное происхождение знаний, но ему это не всегда удается. Он говорит например: «Зло, которое причиняют нам пороки других людей, наводит нас на размышление и создает в уме нашем идею добродетели. Эта идея, возвышаясь, доходит до осознания духовного мира, убеждает нас в существовании Бога и вызывает понятие о наших обязанностях к Нему. Природа человека, изучение которой для нас так существенно необходимо, должна представлять непроницаемую тайну для человеческого разума. Итак, нам более всего другого на свете потребна религия: возвышенная вера убедила бы нас во многом».

Мы приводим эти мысли Д'Аламбера также и потому, что энциклопедистов голословно принято обвинять в безверии. Они

вообще рассуждали о религии; Д'Аламбер же главным образом проповедовал терпимость; последнее возбуждало ненависть фанатиков; партия же свободомыслящих раздувала искры. Таким образом, «Энциклопедия» задела всех: она вызвала и страстный восторг, и ярую ненависть. Это повлекло за собою гонение на энциклопедистов. Пришлось защищаться и вести непрерывную полемику. Поднялась буря; началась ожесточенная война перьев; но раны, наносимые последними, были глубоки и чувствительны. Все хватало через край. Страсти разыгрались настолько, что вмешательство правительства сделалось неизбежным. Парламент ежедневно приговаривал к сожжению какие-нибудь новые сочинения; авторы их попадали под арест, отправлялись в изгнание.

Д'Аламбер был просто поражен такими результатами своего мирного труда. Все это лишало его бодрого спокойствия, необходимого для напряженной научной деятельности; он отказался от своего дальнейшего участия в «Энциклопедии», и Дидро, которому принадлежит и первая мысль об издании ее во Франции, продолжал свой труд один, с удвоенной энергией. Отдавая должное Дидро, мы не можем обвинять Д'Аламбера за то, что он бросил «Энциклопедию»; занимаясь астрономией и механикой, он имел большую склонность к математическим исследованиям. Это, однако, не помешало ему, как мы видели, с большим увлечением написать «Введение к Энциклопедии»; огромный труд не пугал его, а только придавал энергии и вдохновлял. В этом «Введении» он говорит о великих задачах человечества, о трудах гениальных людей, и слог его, возвышенный и благородный, вполне соответствует содержанию. Мы приведем отрывок из его описания эпохи Возрождения. «Великие творения древних, принадлежащие ко всевозможным областям человеческих знаний, двенадцать веков были преданы забвению... Между тем в эти времена гении встречались не реже, чем в другие. Природа всегда неизменна; но что могли сделать великие люди, рассеянные по земле, погруженные в различные занятия и лишенные необходимой общей культуры ума? Зародышами почти всех открытий являются плодотворные идеи, приобретаемые чтением и общением с людьми. Это тот же воздух, которым нечувствительно дышишь и живешь».

С не меньшим увлечением Д'Аламбер говорит также об успехах

поэзии, и суждения его отличаются иногда большою оригинальностью. От поэзии он переходит к философии, беспристрастно отдавая должное итальянцам и англичанам, с восторженным удивлением останавливаясь перед бессмертным Бэконом и мудрецом Локком. К своему соотечественнику Декарту Д'Аламбер относился с большею строгостью: он более ценил его заслуги как математика, чем как философа. Известный современный математик Бертран, знакомый и русской публике, остался недоволен страницами, посвященными Д'Аламбером Ньютону и Галилею, хотя и называет их прекрасными. Он говорит: «Д'Аламберу следовало бы с еще более глубоким вниманием остановиться перед своим великим учителем Ньютоном». Чем объяснить это? Мы думаем, тем, что Д'Аламбер боялся входить в большие подробности по тому предмету, который был ему знаком ближе всего остального.

Сверх этого «Введения» Д'Аламберу принадлежит в «Энциклопедии» все, что относится к математике, и некоторые мелкие статьи, например описание Женевы и ее правления.

От участия Д'Аламбера в «Энциклопедии» мы перейдем к его деятельности во Французской Академии и в Академии наук. Мы уже говорили, что Д'Аламбер не легко попал во Французскую Академию. В 1754 году открылись четыре вакансии; их последовательно заняли граф Клермон, Бугенвиль, Буасси и, наконец, Д'Аламбер. Нельзя сказать, чтобы избрание Д'Аламбера в члены Академии (в 1754 году) было вполне единодушным. В то время два тома «Энциклопедии» были запрещены и авторы этого сочинения были причислены к партии оппозиции; поэтому и Д'Аламбер получил при своем избрании порядочное количество черняков.²

В Академии был обычай, чтобы новый член говорил похвальную речь тому сошедшему со сцены, место которого он занимал; предшественником Д'Аламбера был малоизвестный епископ; Д'Аламбер своею блестящей похвальной речью спас его от забвения. Вообще красноречие Д'Аламбера оказалось очень кстати во Французской Академии. Новый член почти всегда открывал заседания, излагая какие-нибудь свои мысли, которые вели к оживленным прениям; большею частью он касался вопросов нравственности, поэзии или истории. Трудно было бы перечислить

все похвальные речи, произнесенные Д'Аламбером; философ говорил их часто, и они ему не стоили ни малейшего труда; он не предназначал их для потомства; по ним нельзя также судить о достоинствах его слога. Они писались в часы досуга и служили отдохновением от более серьезных работ. Читал Д'Аламбер превосходно, все слушали его с восторгом; когда он говорил, то зала всегда была полна, он чувствовал свое влияние, и это доставляло ему много удовольствия. Влияние Д'Аламбера в Академии, основанное на личных его достоинствах, разумеется, возрастало, и у нас возникает вопрос, как именно он пользовался своим влиянием? Вольтер, бывший также членом Французской Академии, часто переписывался с Д'Аламбером об академических делах, и многие утверждали, что Д'Аламбер являлся в этом случае покорным орудием Вольтера. Другие говорили, что госпожа Леспинас и госпожа Жоффрен, Дидро, Кондорсе, Мармонтель принимали участие в решениях Д'Аламбера относительно баллотировки новых членов и других дел Академии. Всего этого, разумеется, нельзя отрицать, но это не мешало Д'Аламберу действовать большею частью согласно своим убеждениям. Он здесь, как и везде, был против фанатиков и недоступен для важных вельмож и прелатов, не отличавшихся никакими достоинствами. Не раз были случаи, что какой-нибудь приятель Вольтера не нравился Д'Аламберу, и он, несколько не стесняясь, действовал против него. Бертран говорит, что как постоянный секретарь Французской Академии Д'Аламбер любил Академию и ненавидел глупцов; он стремился к тому, чтобы каждый вновь избираемый член составлял честь и славу Академии. При этом Д'Аламбер, как мы сказали, принимал в расчет убеждения человека столько же, сколько его талант.

Первое сообщение Д'Аламбера в Академии наук относится к 19 июля 1739 года; оно удостоилось похвалы и благосклонности математика Клеро; автору сообщения был тогда двадцать один год.

Через год, в 1740 году, Д'Аламбер представил той же Академии свое исследование в области механики жидкостей. Оно отличалось большою оригинальностью и смелостью. Клеро похвалил знания и талант Д'Аламбера, но не согласился с верностью его решения. Вскоре же Д'Аламбер написал еще три мемуара и со смелостью, которая дается сознанием своих сил, подал в Академию прошение,

добиваясь прямо звания *associé*; Академии, которому должно было предшествовать *adjoint*. *Adjoints* и *associés* имели право присутствовать на заседаниях и просить слова; ни те, ни другие не принимали никакого участия в выборах. Всеми правами академиков пользовались только пенсионеры. Попасты в Академию тогда было довольно легко, но сделаться пенсионером – очень трудно. Д'Аламбер получил звание *adjoint* в 1742 году, когда ему было двадцать четыре года, и тогда же он был причислен к секции астрономии. Через три года он за особые заслуги получил от Академии пенсию в 125 рублей. 8 мая 1756 года граф Даржансон написал в Академию: «Я должен сообщить вам желание короля, чтобы Академия открыла вакансию на *associé*;, сделал Д'Аламбера сверхштатным пенсионером». Однако только в 1765 году, через двадцать три года по вступлении своем в Академию, Д'Аламбер сделан был титулованным, или, по-нашему, ординарным академиком. Таковы были внешние успехи гениального, но независимого человека. Между тем еще в 1743 году он напечатал свою «Динамику», которая поставила его тотчас в один ряд с самыми лучшими европейскими математиками. Это сочинение Д'Аламбера составляет эпоху в истории механики. Великий математик Лагранж пятьдесят лет спустя написал историю механики, отличающуюся столько же глубиной мысли, сколько изяществом изложения. Он говорит о книге Д'Аламбера, что она сразу положила конец путанице и хаосу, царствовавшему до того в этой области, и дала прямой и общий метод если не для решения, то по крайней мере для сведения к уравнениям всех вопросов, относящихся к динамике. Современный нам математик Бертран прибавляет, что Д'Аламбер в предисловии своем к трактату по динамике в первый раз проявил качества писателя и философа, впоследствии так часто отвлекавшие его от математики, которую он называл своей первой возлюбленной.

Напомним читателю, что Д'Аламбер никогда не был профессором и даже никогда не давал никаких уроков и в этом отношении, как и во многом другом, резко отличался от Дидро. Нужда часто заставляла последнего давать уроки математики, не зная ее; Д'Аламбер же никогда не хотел продать ни одного своего часа. Ему как будто даже никогда не приходило в голову кого-нибудь

учить математике; он считал совершенно излишними усилия сделать ее доступною ленивым и малоодаренным умам. Как-то один молодой человек жаловался Д'Аламберу на трудность начал дифференциального исчисления и стал было излагать ему свои сомнения. Д'Аламбер отвечал юноше более нетерпеливо, чем основательно: «Идите вперед, и вера сама придет к вам». Этот известный ответ многих сбил с толку, потому что принято думать, будто знаменитый человек способен говорить только великие истины. Но, к сожалению, в этом ответе сказалось только совершенное незнание Д'Аламбером искусства преподавать, что, по замечанию Бертрана, вредно отзывалось на стиле его научных сочинений. Свои математические работы Д'Аламбер писал всегда как-то спеша; обилие и оригинальность мыслей поражают и многим затрудняют чтение их.

Долгое время Д'Аламбер занимал место постоянного секретаря Французской Академии. Из его писем к госпоже дю Деффан видно, однако, что он совершенно не добивался этого звания в Академии наук: при малейшем старании ему легко было бы сделаться также и ее секретарем. Он писал Лагранжу: «Теперь я занимаю место секретаря Французской Академии, освободившееся после смерти моего друга Дюкло. Это не очень выгодное место; оно вознаграждает только тем, что требует очень малых усилий, и это для меня теперь самое главное. Должность секретаря нашей Академии наук – другое дело; мне хотелось бы, чтобы она досталась другу нашему Кондорсе, который в состоянии прекрасно выполнить все связанные с нею обязанности».

Будучи постоянным секретарем Французской Академии, Д'Аламбер не переставал заниматься наукой, но все же отдавал большую часть своего времени литературе, философии и политике.

Члены Академии наук не нравились Д'Аламберу, и он не скрывал этого. Из переписки Д'Аламбера с Лагранжем видно, что Академия наук постоянно занимала его мысли, но самая любовь к Академии внушала ему горячую ненависть к недостойным ее членам; он осыпал их насмешками, причем, конечно, дело никогда не шло дальше слов. В доказательство приведем историю его отношений с Лаландом. Перед именем Лаланда он ставил такой эпитет, который все издатели заменяли точками. Лагранжу более

чем кому-нибудь известно было нелестное мнение Д'Аламбера о Лаланде, поэтому он очень удивился, узнав, что Д'Аламбер примирился с Лаландом, и выразил Д'Аламберу свое изумление. Д'Аламбер отвечал ему: «Относительно Лаланда я должен сказать Вам, что действительно с ним помирился, он этого, видите ли, очень сильно желал; я же, как хотите, предобрый черт». И это была суцая правда. Д'Аламбер был чрезвычайно вспыльчив, зол на язык, но никому не желал дурного. Говорил он всегда коротко, резко и метко, точно стрелял; ко всему, не исключая своих собственных трудов, относился не в меру строго. Издавая свои работы по математике, он писал Лагранжу, что собрал все свои математические лоскутки и отдал в печать для того, чтобы от них таким образом освободиться; так женщины выходят замуж за своих старых любовников, чтобы от них навсегда отвязаться. Вообще письма Д'Аламбера к Лагранжу отличались большою откровенностью; он искренно и глубоко любил молодого Лагранжа и, как мы не раз уже имели случай заметить, заботился о его участи. Ему очень хотелось познакомить своего молодого друга с Вольтером; возвращаясь из Турина в Париж, Лагранж проезжал мимо Делис, поместья Вольтера, и раз как-то Д'Аламбер упросил его заехать к автору «Генриады»; молодой Лагранж, большой поклонник сочинений Вольтера, охотно заехал, но, кажется, не нашел в Вольтере ничего восхитительного и поразительного; это видно из следующего письма его к Д'Аламберу: «Я проехал через Женеву, как и предполагал, и благодаря Вашей рекомендации имел честь обедать с г-ном Вольтером, который принял меня очень любезно. В этот день он был расположен смеяться и шутить; это очень занимало всю компанию. Вольтер такой оригинал, на которого стоило посмотреть». На Вольтера же будущий великий математик не произвел никакого впечатления; последнему, как видно, не приходило и в голову, чтобы Лагранж мог занять в истории человеческой мысли место более высокое, чем его собственное.

Д'Аламбер покровительствовал также молодому Лапласу; история знакомства первого с последним так хорошо характеризует их обоих, что нельзя о ней умолчать. Лаплас родился в Нормандии, в маленькой деревушке, и был сыном бедного крестьянина, который ценой больших лишений содержал его в приходской школе.

Случайно мальчику попали в руки книги по математике, и он учился по ним сам. Окружающие, видя его необыкновенные способности, советовали ему ехать в Париж, и какое-то важное лицо дало ему рекомендательное письмо к Д'Аламберу. Лаплас очень надеялся на рекомендацию важного лица и думал, что Д'Аламбер встретит его с распростертыми объятиями, однако сильно ошибся. Явившись в Париж, он тотчас же отправился к Д'Аламберу, передал рекомендательное письмо, но оно нисколько не подействовало на академика; Д'Аламбер не принял Лапласа. Что было делать? Лапласу пришла в голову счастливая мысль самому написать письмо Д'Аламберу, изложив свои собственные взгляды на общие законы механики. Тогда Д'Аламбер ответил ему на другой же день: «Милостивый государь! Вы имели случай убедиться, как мало обращаю я внимания на рекомендации; но Вам они были совершенно не нужны; Вы *зарекомендовали* себя сами, и мне этого совершенно достаточно; моя помощь к вашим услугам. Приходите же; я жду Вас». И действительно, через несколько дней после первого свидания с Д'Аламбером Лаплас получил место профессора математики в «Ecole militaire». С тех пор Д'Аламбер никогда не терял из виду Лапласа и всегда заботился о нем. Впоследствии Лаплас явился преемником и лучшим ценителем заслуг Д'Аламбера в области астрономии. Заслуги эти очень велики. Уже одна его теория предварения равноденствий сама по себе сделала бы его бессмертным. Сочинение Д'Аламбера о системе мира имеет самую тесную связь с небесной механикой Лапласа; Д'Аламбер также занимался теорией движения Луны, являясь и в этом случае прямым продолжателем Ньютона; над теми же вопросами трудились Клеро и Эйлер, и, несмотря на соединенные усилия этих трех гигантов, многое осталось еще сделать и их преемникам.

Приведем здесь ценное мнение Лапласа о трудах Д'Аламбера: «Законы, открытые Ньютоном, превосходили в те времена существовавшие средства анализа и механики; необходимо было изобрести новое; честь этого изобретения принадлежит Д'Аламберу. Через полтора года после выхода в свет сочинения Баддея Д'Аламбер издал свой труд о прецессии, который в истории небесной механики и динамики занял такое же почетное место, какое принадлежит открытиям Баддея в летописях астрономии».

Заклучим этот очерк деятельности Д'Аламбера в двух академиях несколькими словами об отношении Дидро к Д'Аламберу и к математике вообще. Мы уже говорили, что Дидро часто приходилось давать уроки математики, не зная ее; он одновременно учил и учился сам. Вследствие таких сумбурных занятий у него сложилось мнение, что в математике чрезвычайно много лишнего; он говорил: «Тому, что в математике действительно необходимо и полезно знать, можно выучиться в шесть месяцев; все же остальное составляет только предмет любопытства». Находясь в непрерывных сношениях с Дидро, Д'Аламбер часто не мог удержаться, чтобы не сообщить ему результаты своих работ, относящихся к движению Луны; Д'Аламбер волновался, когда замечал, что наблюдения, казалось, противоречили теории. Дидро смеялся над всеми этими волнениями и, ничего не смысля в теоретической астрономии, все-таки охотно слушал Д'Аламбера, пускался в рассуждения, которые были столько же оригинальны и смелы, сколько неверны; в них виден был замечательный человек, не знающий предмета. Это убеждает нас в том, что никакой ум не в состоянии заменить нам знания.

Глава V

Философско-литературная деятельность Д'Аламбера. – Заслуги Д'Аламбера в области механики, чистой математики, математической физики и астрономии. – Общий характер этих заслуг

Деятельность Д'Аламбера, как видел читатель, была двойкой: научной и философско-литературной. Мы коснулись и той, и другой, когда говорили об отношении Д'Аламбера к Академии наук и к Французской Академии; но мы охарактеризовали их с внешней стороны; нам остается самое трудное: дать оценку той и другой – определить по возможности отчетливо значение Д'Аламбера как ученого и как писателя для его современников и для потомства.

Начнем с характеристики его литературной деятельности, которой Д'Аламбер отдал большую часть своего времени, хотя не достиг в ней того высокого положения, которое сразу, еще в первой

молодости, занял в науке. Прежде всего рассмотрим, как относились к этой его деятельности другие знаменитые писатели того времени. Вольтер писал Д'Аламберу: «Вы единственный писатель, который никогда не говорит ни больше того, ни меньше того, что хочет сказать. Я считаю Вас самым лучшим писателем нашего века». Эта веская похвала Вольтера заключала в себе долю истины, ибо Вольтер признавал в манере Д'Аламбера писать руку математика. Дидро считал Д'Аламбера писателем тонким, остроумным, смелым, оригинальным, искренним, но упрекал его в том, что он о поэзии судит математически. Это замечание, с которым, завязавши глаза, согласится всякий не-математик, должно непременно остановить внимание математика. Бертран, наталкиваясь на такое мнение о Д'Аламбере, спрашивает себя: «Что значит судить о чем-нибудь математически?» – и затем говорит: «Область истин, строго доказанных, не велика. Неужели усвоение этих истин способно приковать человека исключительно к ним и держать ум в этой ограниченной сфере; неужели привычка иметь дело с прямою линией делает ум неспособным следить за полетом и изгибами человеческой фантазии? Мы не видим никакой причины, отчего живописец не может быть музыкантом, и наоборот. Различие известных свойств ума не может быть причиной их несовместимости. Навык хорошо рассуждать – это сила, громадная сила, редкий дар, неужели он в чем-нибудь может оказаться бесполезным и тем более помешать?»

Можно сказать также, что истинный математик менее чем кто-либо другой способен судить математически о предметах, существенно отличных от тех, к которым приложимо строгое доказательство. Д'Аламбер говорит об этом в своем похвальном слове Боссюэ: «Привычка к доказательству приучает нас не стремиться доказать то, что выходит из круга истин, подлежащих доказательству, и отличать свет от сумерек и сумерки от темноты». И мы думаем, что Бертран прав: математический талант сам по себе не исключает литературных способностей, как и всяких других; мы скажем более: и Вольтер верно заметил, что математика, отучая от распространенной способности говорить лишнее, придает языку писателя особую сжатость и силу. Несмотря на это, нельзя не признать, что деятельность ученого и деятельность литератора

находятся в антагонизме, потому что для первой необходима тихая, правильная, однообразная жизнь; для второй же требуется общение с людьми и разнообразие внешних условий.

Пример Д'Аламбера как нельзя более подтверждает высказанное нами замечание. Он считал счастливейшим то время, когда занимался только математикой: тогда его знали лишь в ученом мире и он был неизвестен публике, все его общество ограничивалось тесным кружком друзей; но вот один из них, Дидро, предложил ему разделить с ним труд по изданию «Энциклопедии», и «Введение», написанное талантливо, глубокомысленно и блестяще, привлекло к Д'Аламберу внимание публики; многие заинтересовались им, начали искать его знакомства и обнаружили в нем веселого, приятного собеседника. Лавры писателя принесли также и терния; слава возбудила зависть, появились враги. Писатели возмущались строгими и меткими приговорами сухого геометра; покой его был нарушен с тех пор, как склонность его к литературе и философии перестала быть тайной его друзей. Вскоре он напечатал свое сочинение «*Melanges de philosophie, d'histoire et de litterature*» («Сборник статей по философии, истории и литературе»), которое произвело большое впечатление и значительно увеличило число его поклонников и врагов. Сближение с госпожой Леспинас, как мы уже говорили, сильно отвлекало его от математики, которой он, однако, постоянно уделял несколько часов в день. Услуги, оказанные им математике, несмотря на это, громадны, но все же невольно жалеешь, что он ею долгое время занимался урывками, ведя образ жизни слишком открытый и рассеянный для ученого и все-таки слишком замкнутый для писателя.

Деятельность Д'Аламбера приводит нас к убеждению, что поэтический дух и математический талант друг друга не исключают, но так как совмещение литературной и научной деятельности требует большой затраты времени и для каждой нужны свои внешние условия, то одна должна развиваться за счет другой. Обыкновенно мы видим, что деятельность одного рода является главною, первенствующей, а другая наполняет часы досуга; разумеется, последняя от этого страдает, так как лучшие силы уходят на первую. Мы видели, что у Д'Аламбера в молодости страсть к математике преобладала над склонностью к литературе.

Впоследствии литература сильно отвлекала его от математики; он отдавал последней сравнительно мало времени, но все-таки она по-прежнему владела его помыслами, и под старость он охладел к литературе, а занятия математикой продолжал даже во время последней тяжелой болезни. Все это независимо от великих заслуг Д'Аламбера как ученого убеждает нас в том, что литературная деятельность служила ему как бы развлечением. Это нисколько не умаляет ее значения для современников, но этим объясняется равнодушие к ней потомства. Мы знаем, что взыскательный Вольтер называл Д'Аламбера первым писателем своего века, а потомство не признало за ним этой заслуги. Причину этого явления легче будет уяснить после того, как мы рассмотрим содержание философско-литературной деятельности Д'Аламбера. Мы говорили уже об огромном успехе его «Введения к Энциклопедии». В литературе Д'Аламбер является преимущественно энциклопедистом. Лагарп, автор многотомного курса литературы, говорит, что Д'Аламбер был одним из пяти замечательных писателей (четыре других – Фонтенель, Бюффон, Монтескье, Кондильяк), оказавших громадные услуги истинной философии. Заслуга Д'Аламбера состоит в том, что он привел в порядок и пролил истинный свет на все знания, накопленные человечеством до того времени.

В 1759 году Д'Аламбер издал свои «Основы философии», о которых Кондорсе в похвальной речи Д'Аламберу высказал следующее мнение: «В этом сочинении Д'Аламбер дает критическую оценку главных основ и истинных методов различных наук; он указывает на то, чего следует избегать в каждой науке, чтобы не сбиться с пути. Трудно указать другую книгу, которая бы при таком сжатом объеме заключала столько истин. О каждой науке он говорил *свойственным* ей языком, употребляя везде подходящие и точные выражения, значительно облегчающие процесс понимания даже для читателя, не привыкшего к отвлеченным понятиям. Этот труд имеет глубокое воспитательное значение; он должен сделаться настольною книгою всех людей, и просто образованных, и ученых. Первым он легко дает ясное понятие о различных областях знания, а вторых заставляет глубже заглянуть в ту науку, которой они занимаются, ибо в каждой науке встречаются предубеждения, которые вредят ее успехам и от которых не могут застраховать

никакие знания и никакой гений, а только одно истинно философское отношение к делу».

Философия Д'Аламбера является, таким образом, как бы продолжением и усовершенствованием философии Бэкона. Из современных нам философов Вильгельм Вундт преследует приблизительно те же цели.

«Основы философии» заключают в себе также воззрения Д'Аламбера на нравственность. Он возмущается несправедливым, неравномерным распределением земных благ между людьми, ставит в обязанность каждому довольствоваться малым, чтобы не захватывать части другого. Вопросы нравственности мучили философа, и последнее обстоятельство долго мешало появлению нового издания его «Основ философии».

И в мелких статьях Д'Аламбер неизменно выступает как энциклопедист; некоторые из них, впрочем, носят полемический характер; к первым бесспорно принадлежат «Explication detaillée du système des connaissances humaines» («Подробное объяснение системы человеческих знаний») и «Observations sur la division des sciences du chancelier Bacon» («Обзор деления наук канцлера Бэкона»); к последним – сочинение о иезуитах, которое возбудило против него многих и причинило ему много неприятностей, наконец, наделавшая много шума статья «Essai sur les Gens de Lettres» («Заметка о писателях»). В ней он говорит между прочим: истинное мужество писателя состоит в борьбе; в том, чтобы сражаться с общественными предрассудками и пороками, не затрагивая личностей и повинаясь закону. *Свобода, истина и бедность* – эти три слова, по мнению Д'Аламбера, всегда должны иметь перед глазами писатели, как люди, которым предстоит остаться в памяти потомков. Тот, кого страшит последнее слово, часто забывает о двух первых. Эта статья, где Д'Аламбер говорит со сдержанной гордостью о меценатах, произвела в обществе впечатление, которого Д'Аламбер никак не ожидал; меценаты не только не обиделись, но похвалили независимость ученого, а писатели на него набросились и нашли его гордость *возмутительною*.

Похвальные речи Д'Аламбера, которые беспрестанно приходилось ему произносить то во Французской Академии, то в

Академии наук, способствовали распространению его идей и составляют вполне определенную, законченную ораторскую деятельность, также много послужившую рассеянию мрака невежества и пробуждению добрых чувств.

Мы говорили, что литературная деятельность Д'Аламбера не брала его лучших сил; несмотря на это, как продукт гениального философского ума она могла бы служить потомству, будь ее содержание несколько иное. Если бы Д'Аламбер, как Шекспир, описывал человеческие страсти, он и в области литературы стяжал бы себе бессмертное имя, потому что страсти вечны: пока человек будет существовать, он не перестанет ревновать и любить и будет проявлять свои страсти так же, как проявлял и в отдаленные от нас века. Та же участь постигла бы сочинения Д'Аламбера, если бы он создал теорию нравственности или религии, основы которой были бы близки всякой человеческой душе; но критическая оценка знаний, убеждений и так далее доступна не всем, к тому же она *должна* изменяться по мере того, как человек прогрессирует умственно. Французская «Энциклопедия» значительно превзошла плод гениального ума – энциклопедию Бэкона, а теперь и она для нас имеет только историческое значение. Вот почему, по нашему мнению, потомство не ценит Д'Аламбера-писателя; он сделал свое дело, и труд его принадлежит истории. Однако это замечание может относиться к его литературной деятельности вообще; многие же отдельные мысли Д'Аламбера новы и ценны даже в настоящее время; в этом читатели могли убедиться из приведенных нами выписок, заимствованных из его сочинений.

Нам остается упомянуть еще об одном сочинении Д'Аламбера – «Начала музыки». Многих, пожалуй, удивит, что глубокий математик, решивший вопрос о колебании струн, занялся изложением теории музыки Рамо. Но Д'Аламбер хорошо понимал, что математическая теория не может объяснить законов музыки, то есть воздействия ее на сердце, в котором много необъяснимого, но глубоко интересного. Д'Аламбер очень любил музыку и проявил в этом сочинении замечательную многосторонность. От него мы перейдем к выяснению ученых заслуг Д'Аламбера в области точных наук; одно перечисление их заняло бы много места, поэтому мы укажем только главные и постараемся определить общий характер его научной

деятельности. Мы знаем многих ученых, которые всю свою жизнь служили науке как верные жрецы. Это ясные и спокойные люди не от мира сего; они относились к науке благоговейно, как к своей святыне; Д'Аламбер не принадлежал к числу таких смиренных богомольцев: он в самые первые годы своей деятельности со всею пылкостью своего темперамента и молодости взял ее, как говорится, за чуб, как свое неотъемлемое счастье; мы знаем уже, что великий ученый всегда называл математику своей первой возлюбленной.

Как нам уже известно, через два года после вступления в Академию Д'Аламбер написал свой бессмертный трактат по теории движения. В теории движения необходимо различать два рода законов; одни выражают логические истины просто в форме определений, другие обобщают результаты наблюдений, то есть устанавливают общие правила, выведенные из свойств тел, предполагаемых находящимися в абсолютном покое и свободными; из законов второго рода до того времени был известен только один вполне общий – закон разложения сил. Гюйгенс и Ньютон прекрасно воспользовались им для решения задач механики. Для описания же движения несвободных тел необходимо было открыть новый закон. Д'Аламбер нашел его, когда ему было двадцать шесть лет. Этот закон и носит в настоящее время название *закона Д'Аламбера*.

Этот закон дает возможность для каждого момента времени составить уравнение, связующее изменения в движении тела с силами, которые их произвели, или, другими словами, позволяет разложить действие двигательных сил на две части, рассматривая одну как исключительно идущую на движение тела во второй момент, а другую как служащую для уничтожения того, которое оно могло иметь в предшествующий. Этот простой закон, приводящий все законы движения к рассмотрению случаев равновесия, составляет великую эпоху в преобразовании физико-математических наук. Д'Аламбер пришел к нему, исходя из мысли, что *силы, действующие в состоянии равновесия и в состоянии движения, должны быть одни и те же*; в первом случае они все уничтожаются препятствием, во втором случае только *часть* их. Простота и общность такого взгляда замечательно характеризуют истинно философский ум Д'Аламбера, который в области механики явился преемником Ньютона.

В 1744 году Д'Аламбер приложил этот общий закон к теории равновесия и движения жидкостей, и все задачи, решенные здесь до тех пор математиками, оказались частными случаями его закона. Чистая математика – дифференциальное и интегральное исчисление и теория функций – также безгранично обязана Д'Аламберу: ему принадлежат многие новые методы анализа, от него исходила строгая критика существовавших тогда взглядов. Замечательно, что Д'Аламбер всегда приходил к своим открытиям, занимаясь вопросами механики.

Теория движения жидкостей и вопрос о колебании струн привели Д'Аламбера к особому рода уравнениям, которые требовали новых приемов исчисления; честь изобретения их принадлежит также Д'Аламберу. Они открыли для математической физики тот новый путь, по которому она так успешно идет и в настоящее время.

В математике часто возникают такие вопросы, которые невозможно решить с помощью средств, находящихся в распоряжении ее в данный момент; тогда приходится прибегать к философии; для того чтобы добраться до истины этим опасным путем, недостаточно превосходно владеть математикой, необходимы изрядная тонкость и природное здравомыслие. В разрешении всех этих вопросов Д'Аламберу принадлежит бесспорное первенство. Сюда можно отнести и вопрос о свойствах логарифмов отрицательных чисел; он был поднят Лейбницем и Иоганном Бернулли, затем разработан Эйлером и Д'Аламбером; первый следовал Лейбницу, второй держал сторону Бернулли.

Первые начала движения, например закон рычага, разложения сил и другие, кажутся нам такими осязательными, простыми истинами, что желание доказать их является следствием большой требовательности ума, а само доказательство представляет огромные трудности. Но мы видим, что Д'Аламбер с успехом нашел его в теории аналитических функций.

Мы думаем, что сказанного достаточно для того, чтобы не только получить понятие о громадности заслуг Д'Аламбера в области механики и математики, но также составить мнение об их особенностях. И в той, и в другой Д'Аламбер является глубоким и пронизательным философом: но, обращаясь к философии, он неизменно остается осмотнительным и строгим математиком.

Мы уже касались заслуг Д'Аламбера в области астрономии, говоря о деятельности его в Академии наук, об отношениях его с Лапласом. И здесь, как и в механике, он продолжает труды Ньютона. С величайшим успехом великий математик приложил открытый им закон механики к движению точек равноденствия, и одно сочинение «О предварении равноденствий», относящееся к этому трудному предмету, как мы сказали, могло бы сделать его бессмертным.

Гиппарх нашел, что полюса Земли не изменяют своего положения на земной поверхности; полюса же неба, напротив, непрерывно изменяют место относительно неподвижных звезд. Полюс неба двигается по окружности, проходя дугу в 50" в год и совершая приблизительно в 25 тысяч лет свой оборот. Экватор, перпендикулярный к линии, соединяющей полюса, вращается вместе с нею; вследствие этого он пересекает неподвижную плоскость эклиптики в двух точках, изменяющих свое положение. Эти точки и суть точки равноденствия; они совершают свой оборот, как и полюс неба, в 25 тысяч лет.

Все последующие астрономические наблюдения подтвердили открытие древнего астронома. Идут века, и равномерно двигаются точки равноденствия, возбуждая вопрос, какая сила производит и регулирует это движение? Ньютону пришла мысль искать решение этого вопроса в механике; он приписал причину этого непрерывного перемещения оси мира той силе, с которой Солнце притягивает Землю, представляющую неправильное и неоднородное тело. Д'Аламбер с помощью анализа доказал верность этого предположения Ньютона.

Итак, мы видим, что в астрономии, как и в математике, Д'Аламбер был преемником Ньютона, а продолжили его труд Лагранж и Лаплас; переписка его с первым с начала и до конца носит чисто научный характер. Нужно ли говорить, что Д'Аламбер был членом всех в то время существовавших академий наук и в том числе нашей Петербургской Академии; последнюю он глубоко уважал и в письмах своих отзывался о ней: «Эта просвещенная Академия». Он принимал очень деятельное участие в ученом споре относительно задачи, известной тогда под именем «Петербургской». Задача принадлежала к теории вероятностей. Работы Паскаля, Якоба Бернулли и Гюйгенса не могли, однако, внушить Д'Аламберу

почтение к этой новой отрасли математики. Тогда многие математики увлекались ею и прилагали ее без разбора к вопросам, совершенно инородным по самой своей природе. Может быть, это и отталкивало Д'Аламбера от самой теории вероятностей. Он впадал в другую крайность, отрицая ее принципы, верность которых подтвердило будущее. Это легко объясняется тем, что у Д'Аламбера не было времени хорошенько вникнуть в теорию, узкопрактические приложения которой были ему так глубоко антипатичны.

Мы упоминаем об этом, не желая скрывать правды, в которой много поучительного, и сохраняя уверенность, что отрицание теории вероятностей не только не умалит бессмертных научных заслуг Д'Аламбера, но еще ярче высветит основную черту его характера, то есть презрение ко всему практическому в тесном смысле этого слова.

Глава VI

Мысли Д'Аламбера о воспитании женщин, театре и искусстве переводить

В письме Д'Аламбера к Руссо мы встречаем следующее суждение о женщинах и их воспитании. На вопрос Руссо: «Где же найти милую и добродетельную женщину?» – он отвечает: «Жалок был бы род человеческий, если бы достойные нашего поклонения женщины встречались действительно так редко, как вы полагаете. Но если допустить, что это так и в действительности, то какая этому может быть причина? Никакой другой, кроме рабства, на которое мы сами обрекли женщину. Заботимся ли мы сколько-нибудь о развитии ее ума и ее души? Мы говорим с ней особенным языком, похожим на детский лепет; мы даем ей воспитание, убивающее ее способности, мы с детства предписываем ей заглушать чувства, скрывать мнения, искажать мысли; мы поступаем с ней, как с природой в наших садах: украшая, мы ее уродуем.

Женщины слабее нас телом, но разве слабость тела служила когда-нибудь препятствием для достижения чего-нибудь великого на поприще науки, искусства и жизни? Может быть, более основательное мужское воспитание открыло бы женщине путь к

новой деятельности. Декарт считал женщин более склонными к философии, чем мужчин, и несчастная принцесса была его лучшей ученицей. Вы, милостивый государь, относитесь к женщине, как к побежденному народу, который хотите еще лишиться оружия. Между тем общество только выиграет от образования женщин; но не говоря уже об этом, я нахожу просто негуманным и несправедливым лишать их того, что дает столько истинных наслаждений, столько утешения в жизни. Не нам, испытавшим на себе всю благотворность и прелесть умственного труда, закрывать путь к нему женщине. Вы – истинные философы, это ваша обязанность, ваше дело уничтожать, если возможно, губительный предрассудок. Если Бог послал вам самим дочерей, покажите пример, отрешитесь от предрассудка и дайте дочерям такое же человеческое образование, какое даете вы сыновьям. Пусть только женщины, получив такое образование, употребят его на пользу, а не на удовлетворение своего тщеславия».

Эти мысли, конечно, теперь не новы; но они были высказаны Д'Аламбером в середине прошлого столетия. После него многие писали о женском воспитании, но из всех тех, кто говорил приблизительно то же, в ком можно встретить больше задушевности и изящной, изысканной простоты?

В том письме, из которого мы заимствовали эти мысли, Д'Аламбер излагает Руссо свои взгляды на удовольствия вообще и на театр в частности. Руссо говорит, что удовольствия лишни для человека; нечего отдавать им много времени; жизнь так коротка; время дорого. В ответ на это Д'Аламбер замечает, что жизнь не только коротка, но и полна всякого рода несчастий, а приятного в ней очень мало; поэтому нельзя не разрешить людям легких развлечений, которые дали бы им минутное забвение от горькой участи страдать и умирать.

Что касается театральных зрелищ, то они, по мнению Д'Аламбера, страдают только тем, что доставляют нам слишком слабое удовольствие; в них чувствуется бессилие вызвать ту иллюзию, которая необходима, чтобы перенести нас в другой мир.

«Разумеется, наши удовольствия должны быть чисты и просты; мы должны уметь находить их в исполнении обязанностей гражданина, друга, мужа, сына и отца; но для этого необходимо сделать эти обязанности менее мучительными, менее

обременительными; сделайте народы более счастливыми, друзей более нежными и постоянными, родителей более справедливыми, детей более ласковыми, жен более верными и правдивыми, – тогда мы в состоянии будем довольствоваться только теми радостями, которые может дать дружба, патриотизм, природа и любовь. Немногие способны, как вы, искать счастье в грустном и монотонном спокойствии уединения. Но разве вы сами не чувствуете, что всего этого все-таки мало? Разве посреди труда и отдыха у вас никогда не возникает потребности развлечься? А если и нет, то нельзя думать лишь о себе, следует принять во внимание интересы общества, которое лишилось бы многого, если бы все мудрецы вели такую замкнутую жизнь, как вы; вспомните Спасителя: он жил окруженный своими ближними, учил на людях; ни короли, ни философы не имеют права чуждаться людей».

Театр, по мнению Д'Аламбера, должен служить этому сближению людей между собою; всякая служба, всякое научное занятие, всякое ремесло обособляют человека, замыкают его в тесный, иногда даже ограниченный круг; театр же, если бы он находился на высоте своего призвания, может переносить человека в совершенно иной мир, открывать новые, неизвестные ему чувства. Театр в состоянии заставить богача понять положение нищего, ученого войти в положение неуча и так далее.

«Вы говорите, что театр возбуждает страсти? Напротив, он учит нас побеждать их, вызывая противоположные. Назначение трагедии и состоит именно в этом; она раскрывает перед нами глубокую любовь к отчизне, одушевляющую Брута, чтобы излечить нас от личного тщеславия, и так далее. Я думаю, что когда человек слушается рассудка, то он понимает, что одна только добродетель может сделать его счастливым. Но рассудку приходится бороться с нашими страстями, они его заглушают; театр и должен явиться на помощь рассудку, воскрешая и запечатлевая в нашем уме истины нравственности. Может быть, его влияние не столь сильно, чтобы исправить порочных людей, но он в состоянии удержать от нравственного падения. Мораль – это все равно что медицина, которая скорее может предупредить зло, чем его искоренить. Вы соглашаетесь, что театр может возбуждать добрые чувства, но считаете их легкими и скоропреходящими. С этим нельзя

согласиться. Живые чувства, испытываемые нами во время представления, полезны как толчки, которые будят в нас чувство добродетели; ведь это огонь, в который необходимо время от времени подливать масло, поддерживая его, чтобы он не исчез в нас совершенно.

Вот, милостивый государь, естественные плоды нравственной философии, проводимой в жизнь с помощью театра; это все, чего можно от него ожидать».

Высказанные мысли Д'Аламбер подтверждает различными примерами, рассматривая различные трагедии. За этой полемикой Д'Аламбера с Руссо все следили в то время с большим интересом и все чувствовали, что прав Д'Аламбер, но отдавали предпочтение красноречию Руссо.

Перевод знаменитой летописи римского историка Тацита доставлял Д'Аламберу, как видно из его писем, огромное удовольствие; он пишет: «Делю время между своею законной женой (математикой) и Тацитом». Перевод Тацита давал ему возможность отвлечься от упорного труда, требующего большого напряжения ума. В предисловии своем к этому переводу он говорит об искусстве переводить с одного языка на другой. Некоторые его мысли отличаются большою оригинальностью, и в то же время они в высшей степени просты, как все истинное. «Мы встречаем иногда, – говорит он, – очень умных иностранцев, легко и свободно изъясняющихся на нашем языке; думая на своем собственном языке, они переводят свои мысли на наш язык, и нам часто приходится сожалеть, что употребляемые ими своеобразные, сильные обороты речи у нас не приняты. Разговор таких иностранцев, если он не заключает в себе ничего неправильного, есть образец хорошего перевода. Оригинал следует перелагать на наш язык, не церемонясь особенно с последним, но действуя с той благородной свободой, которая особенный отпечаток одного языка сообщает другому, придавая последнему новую прелесть. Это и придает переводу лучшие качества: он становится естественным и легким, сохраняет особенности оригинала и вносит нечто новое в наш собственный язык. Такие переводы служат обогащению языка. Сообразуясь с этими общими требованиями, переводчик должен еще стремиться сохранить особенности писателя; это возможно,

только если между писателем и переводчиком существует некое духовное сродство».

Д'Аламбер считает непроизводительным и даже вредным переводить каждого автора целиком; это замечание относится к древним писателям. Он советует переводить только избранные, лучшие места, которые производят сильное впечатление на самого переводчика. Следуя этому правилу, он сам перевел отрывки из летописи Тацита. Таким образом все, что есть лучшего в писателе, концентрируется и действует на читателя более интенсивно. Это, по мнению Д'Аламбера, надо главным образом иметь в виду, знакомя детей с древними классиками; ребенку надо давать в руки только сочинения немногих избранных писателей, и то в таком сокращенном виде; у каждого писателя есть произведения лучшие, посредственные и даже слабые; иногда из произведения возможно исключить все, в чем нет ничего замечательного. Таким образом дети в короткое время познакомятся со всем, что есть лучшего в древних классиках.

Это имел в виду Д'Аламбер, переводя отрывки из Тацита. Он говорит: «Того, что я перевел, мне кажется, будет достаточно для знакомства со всеми разнообразными достоинствами этого несравненного историка, который так сильно, правдиво и тонко умел описывать характеры людей, так трогательно изображал великие события и с таким глубоким чувством говорил о добродетели. Он обладал истинным красноречием, то есть умел говорить просто о важных предметах». Последняя похвала справедлива и относительно самого Д'Аламбера.

Источники

1. *Oeuvres completes de D'Alembert* 18v.
2. *Oeuvres philosophiques, historiques et litteraires de D'Alembert. Melanges par D'Alembert.*
3. *Les grands écrivains français. D'Alembert par Joseph Bertrand* membre de l'académie française et secretaire perpetuel de l'academie des sciences. Paris, 1889.
4. Friedrich der Grosse in seinem Verhältniss zu der Philosophie seiner Zeit und der Vorzeit. Von Zeller.

5. M-me *Geoffrin*. Memoires de Marmontel Julien Perey.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

BooksCafe.Net

Оставить отзыв о книге

Все книги автора

Notes

[← 1]

И скажите, при виде этого лица: из всех, кого я любила, кто любил меня, как он?

[← 2]

Черняк – черный, или неизбирательный шар на баллотировке (*Словарь В. Даля*)